

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№6 ИЮНЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

2011

Вы можете подписаться на журнал «Смена» со второго полугодия 2011 года в любом отделении почтовой связи по следующим каталогам:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Уважаемые читатели!

С июля 2011 года журнал «Смена» и литературно-художественное приложение к журналу становятся единым изданием объёмом 192 страницы.

Во втором полугодии 2011 года на страницах журнала вы сможете прочитать лучшие детективы, остросюжетные романы и повести российских и зарубежных авторов, рассказы самых интересных молодых писателей. Мы продолжим публикацию незнакомых большинству наших читателей произведений отечественной прозы XIX—XX веков.

В портфеле очерки о великих художниках и судьбах созданных ими шедевров, материалы о ярких судьбоносных событиях отечественной и мировой истории. Мы планируем печатать материалы о невероятных и удивительных фактах и явлениях окружающего нас мира.

С нами продолжают сотрудничать ваши любимые авторы: Светлана Бестужева-Лада, Денис Логинов, Елена Логунова, Анна и Сергей Литвиновы, Ирина Опимах, Сергей Чекмаев, Евгения Гордиенко, Екатерина Пименова, Варвара Клюева...

Еще раз обращаем ваше внимание, что с июля 2011 года журнал «Смена» и его литературное приложение будут единым ежемесячным изданием, подписку на которое можно оформить по любому из каталогов или через редакцию.

Уважаемые читатели!**Подписаться на журнал «Смена» также можно через редакцию.**

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14 стр. 1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 66 руб., на 3 месяца – 198 руб., на 6 месяцев – 396 руб.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

<i>МИНУВШЕЕ</i>	Жертва на престоле	4
	Светлана Бестужева-Лада	
<i>КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ</i>		15
	Евгений Манушенко	
<i>МНЕНИЕ</i>	Будут ли у нас дети?	16
	Игорь Бестужев-Лада	
<i>ЛОГУНОВА ШУТИТ</i>	Шоколадные крошки	18
	Елена Логунова	
<i>НЕФОРМАТ</i>	Поцелуй феи	28
	Екатерина Постникова	
<i>НЕФОРМАТ</i>	Глупые мысли	36
	Мария Агафонова	
<i>ШЕДЕВРЫ</i>	Испанский Микеланджело	38
	Ирина Опимах	
	<i>РАССКАЗ</i> Пловец	48
	Владимир Бочаров	
<i>ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ</i>	Миссис Детектив	60
	Евгения Гордиенко	
<i>НАШИ ПУБЛИКАЦИИ</i>	Жена-совершенство	68
	Эдуард О'Рейли	
	<i>ДЕТЕКТИВ</i> Вкус золота	78
	Наталия Солдатова	
	<i>КРОССВОРД, ЭРУДИТ</i>	108

ЖЕРТВА НА ПРЕСТОЛЕ

Светлана Бестужева-Лада

В палате душно, за стеной шуршат придворные — ждут. Возле постели — обрусевший немец Остерман, воспитатель юного русского императора, тоже ждёт, не убоившись оспенной заразы. Не ждёт — стережёт, чтобы Долгорукие не подсунули царю духовную на подпись: дочь-то их, Екатерина, обручённая невеста императора, может завтра русской императрицей стать. Тогда все политические хитрости Остермана прахом пойдут...

Ждут. Царственный отрок Пётр Алексеевич, внук великого Петра, без памяти на постели мечется. Три года длилось сие царство, которое и царством-то назвать трудно, — пиры да охоты, охоты да пиры.

Вдруг император открыл глаза, приподнялся на локтях и почти внятно произнёс:

— Запрягайте сани, еду к сестрице...

А через несколько секунд всё кончилось. Остерман закрыл лицо руками и непритворно разрыдался...

Когда скончался Пётр Первый, его внуку — прямому наследнику и первому законному претенденту на российский престол — было всего лишь девять лет. Потерявший мать в трёхлетнем возрасте, практически не знавший своего отца, который был умерщвлён немногим позже, будущий император Пётр Второй долгое время был фактически предоставлен заботам случайных воспитателей. Уже позже к нему приставили Андрея Ивановича Остермана — для образования и приличия.

Дед проявлял к внуку потрясающее равнодушие, рассчитывая, по-видимому, что престол займёт либо его сын от второго брака, либо одна из дочерей. Но судьба — великая насмешница — распорядилась совсем иначе.

После рождения у Петра и Екатерины четырёх дочерей — Анны, Елизаветы, Натальи и Маргариты (две последние скончались в младенчестве) — на свет появился долгожданный сын, всего через две недели после того, как у императора родился внук, тоже Пётр. Страна ликовала: специальным манифестом младенец Пётр Петрович был провозглашён наследником престола (с отстранением от прав на оный старшего сына — Алексея). Наследнику принесли особую присягу, присягнул и уже находившийся под судом и следствием царевич Алексей. Велено было называть его «наследственным благороднейшим государем-царевичем Петром Петровичем». Родителей, казалось, не слишком беспокоило, что к трёхлетнему возрасту «наследственный и благороднейший» ещё не говорил и не ходил. Не прожив и четырёх лет, с такой помпой объявленный наследник престола умер от неизвестной болезни.

О чём думал Пётр, так и осталось неизвестным. Почему не издал нового манифеста в пользу законного внука — непонятно. Только, когда его не стало,

на престоле вместо ожидаемого православного государя Петра Алексеевича оказалась его мачеха — неграмотная, смутного происхождения Марта Скавронская, во святом крещении — Екатерина Алексеевна. Посадил её на трон и правил от её имени всесильный тогда Александр Меншиков, самый богатый человек в России, пекущийся исключительно о своей выгоде.

«Птенец гнезда Петрова» немало сделал после смерти своего благодетеля, чтобы это самое гнездо разорить. Пре-

жде всего, вконец спойл императрицу, которая уже много лет пила наравне с царственным супругом. И вертел ею на троне, как хотел. Но царствовала она недолго. Через два года после смерти Петра Великого присоединилась к любимому супругу на небесах.

Уже умирающей императрице Меншиков предложил сделать внука Петра престолонаследником и в будущем императором, если он... женится на его дочери Марии.

Мария была не только красавицей, она считалась одной из самых образованных девушек при дворе — говорила на нескольких иностранных языках, прекрасно танцевала, дивно пела.

Екатерина перед смертью подписала такое завещание, понимая, что передать трон ни одной из своих дочерей не сможет.

Императором стал двенадцатилетний мальчик, который ничем не походил на своего великого деда, а весь удался в маленьку — принцессу Шарлотту Вольфенбютельскую: кротко сносил все превратности жизни, послушно называл всесильного тогда Меншикова «батюшкой», нежно любил свою старшую сестру Наталью и пылко — тётку Елизавету, юную, красивую, весёлую.

Вот кого он на дух не переносил — так это свою «завещанную невесту», Марию Меншикову. В глаза называл её куклой и мраморной статуей, божился, что хоть и обручился с «Машкой», которая на четыре года была старше жениха, но обвенчается не раньше 25 лет.

В июне 1727 года на заседании Верховного совета, полностью находившегося в руках Меншикова, было решено считать императора Петра Второго несовершеннолетним до 16 лет, а регентом назначался его будущий тесть — тот же Меншиков.

Умный человек, Меншиков почему-то стал совершать глупость за глупостью, забывая о том, что обручение — это ещё не брак и что русские вельможи злопамятны — низкое происхождение и стремительное возвышение простить они никогда не смогут, хоть какой высокий пост при дворе им ни дай, как близко к отроку царю ни подпускай.

Нашлись люди, ненавидевшие Меншикова и имевшие огромное влияние на юного императора. Прежде всего, его сестра, царица Наталья Алексеевна. Все современники единодушно воспевали её если не красоту, то неотразимую прелесть. Всего лишь годом старше своего брата, она была много умнее и образованнее, чем он, давала ему прекрасные советы больше работать и избегать дурного общества.

И брат, похоже, прислушивался к этим советам. К тому же чуть ли не на коленях умолял помочь разорвать помолвку с нелюбимой и немилрой невестой Марией Меншиковой. Но регент и будущий тесть был ещё слишком силен, чтобы пренебречь его дочерью, а царица Наталья — мало искушена в дворцовых интригах.

Были и другие «доброжелатели». Например, царица Елизавета, младшая дочь Петра Первого. Очаровательная и жизнерадостная, семнадцатилетняя Елизавета мало помышляла о работе и добродетели, и ещё меньше — о делах престольных. Влияние её вначале проявлялось в самых невинных сферах: она развивала в племяннике любовь к физическим упражнениям. Отличная наездница и страстная охотница, она на целые дни завладевала императором и увлекала его в подмосковные леса, причём злые языки утверждали, что занимались они там не только охотой.

Наталья и Елизавета ревновали императора друг к другу. Подружись они, объединив усилия, и кто знает... Но их объединяла, увы, только ненависть к «худородной Машке», да и то лишь тогда, когда она, вся в брильянтах, появлялась на придворных ассамблеях.

Но тут Меншикова свалила тяжёлая болезнь — чахотка, причём врачи считали положение безнадёжным. Мария Меншикова не знала, о чём бога молить: кончина батюшки мгновенно положила бы конец её помолвке с нелюбимым женихом, а выздоровеет — не миновать ей либо брачного венца с Петром, либо монашеского клобука, ежели наречённый других советчиков станет слушать.

Железный организм князя справился с недугом. Через пару недель он вновь появился при дворе, но время было упущено. Почувствовав свободу от опеки «батюшки», юный император решил стать «настоящим самодержцем». И первым же

своим указом в сентябре 1727 года приказал арестовать своего несостоявшегося тестя и сослать его вместе со всем семейством в его поместье Ранненбург, Рязанской губернии. Счастлива при этом была только княжна Мария — обручальное кольцо вернула, а в монастырь не отправили...

Возможно, император и забыл бы об изгнанниках, дав им возможность тихо и мирно жить в глуши. Для него главное было избавиться от постылой невесты и без оглядки броситься в объятия нежной тётушки. Но ни сама тётушка, ни родная сестра не были настроены так же миролюбиво. Обе горели желанием отомстить Меншикову за его тиранию и мелочные придирки. В ноябре была произведена опись всех его имений, и только в петербургских домах было обнаружено на двести тысяч рублей столового серебра, восемь миллионов червонцев, тридцать миллионов серебряной монетой и драгоценностей миллиона на три. Ещё свыше тонны серебряной посуды обнаружили в тайнике в результате анонимного доноса.

Разорённый Меншиков был сослан в Берёзов — крайнюю северную точку России. Он прибыл туда с двумя дочерьми и сыном — княгиня Дарья, его жена, скончалась в Казани по дороге в ссылку. Спустя год Александр Данилович тоже скончался в возрасте всего пятидесяти шести лет, а через месяц за ним последовала княжна Мария, невинная жертва чрезмерных амбиций своего отца.

Весть об этой кончине застала императора в самый разгар балов и прочих увеселений — у его старшей тётки, герцогини Голштинской, родился сын Пётр, будущий император Пётр Третий и незадачливый супруг Екатерины Великой. Юный император не соизволил даже вздохнуть — настолько мало его волновала судьба бывшей невесты. Гораздо больше его занимало то, что пошатнулось здоровье любимой сестры, царевны Натальи, которая всё чаще пропускала придворные церемонии. Поговаривали, что царевну сводит в могилу греховная любовь к брату и ревность к родной тётке.

Не меньше волновало Петра и то, что его любимец, князь Иван Долгорукий, стал оказывать той же тётке, царевне Елизавете, слишком откровенные знаки внимания. Впрочем, всё обошлось без особых инцидентов, и вскоре тётка с пле-

мянником отправились на многомесячную охоту в сопровождении Верховного совета и всего генералитета.

Государственные дела мало-помалу стали приходить в упадок, потому что Пётр решительно не желал ими заниматься. Хитроумный Остерман сказался больным и выжидал, кто при дворе станет самым влиятельным. Разумеется, верховным сановникам было крайне удобно иметь государя-марионетку, но эта марионетка должна была хотя бы ставить свою подпись на заранее приготовленных бумагах. Оставалось рассчитывать только на влияние царевны Натальи.

Но и этот расчёт не оправдался. В ноябре 1728 года болезнь Натальи приняла опасный оборот. Пятнадцатилетняя царевна умирала от чахотки, унаследованной от матери. А по слухам — от медленно действующего яда, поднесённого ей по приказу Долгоруких.

На сей раз император выбрал время, чтобы проститься с горячо любимой сестрой, и Наталья скончалась у него на руках, заклиная слушать советы вице-канцлера Остермана и удалить от себя князей Долгоруких.

Совет был хорошим, но запоздавшим. К тому же Остерман, плохо знакомый с русскими обычаями, начал усиленно склонять своего воспитанника к браку с Елизаветой — хоть и не совсем родной, но всё-таки тёткой. Политически это было единственно правильным решением: соединить потомство Петра Первого от двух браков и навсегда прекратить в России династические распри. Но...

Елизавета не ограничивалась обществом племянника и очертя голову пускалась во всякие сомнительные приключения, а Пётр всё больше и больше попадал под влияние Долгоруких, не стеснявшихся в средствах для улаживания всевозможных прихотей государя. Если бы Пётр догадался, что всё это делается ради одной-единственной цели — нового обручения, часы фавора Долгоруких нетрудно было бы сосчитать. Но он понял это слишком поздно.

Князь Алексей Григорьевич Долгорукий, человек невеликого ума, но колоссальных амбиций, решил повторить опасный путь Меншикова и стать императорским тестем. Какникак Долгорукие по происхождению считали себя выше императора Романова, да и старый обычай жениться на русской

боярышне, а не на иноземке, ещё не был забыт. Напоить императора, оставить его наедине с княжной Екатериной, не страдавшей предрассудками... и можно готовиться к обручению, а повезёт — и к свадьбе.

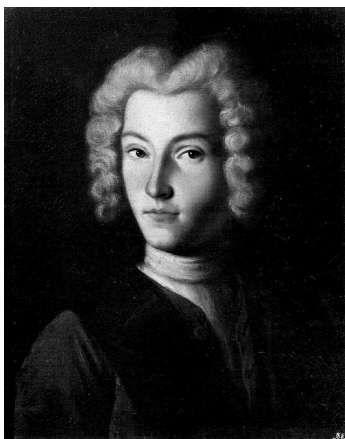
Княжна Екатерина действительно была достойной дочерью своего батюшки — особым умом не блистала, гордыни была непомерной, а ради царской короны готова была пожертвовать всем, включая любовь. Если вообще была способна на это чувство.

Красавица была почти официально обручена с австрийским посланником, графом Миллезимо, и по скандальной хронике того времени отношения между ними были куда ближе, нежели приличествовало жениху и невесте. Когда Екатерина стала почти всё время проводить в обществе юного императора, австрийцу быстро указали на дверь, даже не объясняя причины.

Последовал громкий скандал, Остерману пришлось улаживать отношения чуть ли не со всем дипломатическим корпусом в России. Вот тут-то даже Пётр начал понимать, что всего лишь сменил опекуна, и вместо одной нелюбимой невесты ему подсовывают другую — красавицу, но дурищу непроходимую. А Елизавету от него тишком оттесняли да оттесняли. Пётр возмутился всем этим безобразием, но было уже поздно.

Когда император стал проявлять явные признаки охлаждения к той, кого уже негласно считали будущей царицей, Долгорукие зашли слишком далеко, чтобы отступить. Пришлось заманить Петра в довольно примитивную ловушку: напоить и доставить напрямик в опочивальню к княжне. По свидетельству современников, даже молодой князь Иван, не отличавшийся чрезмерной щепетильностью и высокой моралью, был шокирован поведением своих родственников и в тот же вечер покинул родительскую усадьбу.

Протрезвевший Пётр, ровным счётом ничего из минувшей ночи не помнивший, хмуро обещал жениться на княжне Екатерине и... ускакал вслед за своим любимцем в Москву. Но в день своего рождения, который праздновался в Туле, император объявил о свадьбе и повелел начать все необходимые приготовления. Опять же непонятно, почему не вмешался муд-

Г.Д. Молчанов. *Портрет Петра II,*
XVIII век

рый Остерман. Но как это понять почти через триста лет?..

Ни царь, ни невеста не выглядели счастливыми, и многочисленным гостям невольно приходило в голову, что вторая царская невеста может последовать за первой, благо берёзовские ссыльные уже доживали последние недели, да и Сибирь, в конце концов, достаточно велика — место всем найдётся.

Обручение Петра Второго и Екатерины Долгорукой было отпраздновано в Москве в ноябре 1729 года.

Первым распоряжением государыни-невесты было изобразить царский герб на всём её белье — иное носить она наотрез отказалась. И от семьи тут же съехала в особый дворец, а братцу Ивану посулила сразу после свадьбы устроить ссылку на Гилян — самые южные и самые гиблые рубежи империи. Могла бы — наверное, и батюшку туда же отправила бы.

Когда Екатерина ехала на церемонию обручения, её роскошные косы — четыре, каждая в руку толщиной! — украшала крохотная бриллиантовая корона, а вторая — хрустальная — сверкала на крыше кареты. Именно это украшение зацепилось за перекладину триумфальной арки, воздвигнутой на пути царской невесты, и обратилось в пыль под копытами коней. Народ, толпившийся на пути шествия, так и ахнул — примета была более чем зловещей. Но Екатерина, сохраняя абсолютное спокойствие, величественно вошла в парадную залу, где её уже ждали император и придворные.

Вторую ложку дёгтя в бочку мёда добавил один из Долгоруких, дядя невесты Василий Владимирович. Человек весьма прямолинейный и, в отличие от других своих родственников, здравомыслящий, он крайне неприязненно относился к предстоящему браку, предвидя от него сплошные не-

приятности «фамилии». Он пожелал сказать напутственную речь, и его пожелания племяннице звучали следующим образом:

«Твоя фамилия многочисленна, но, благодаря богу, не терпит недостатка ни в чём, и члены её занимают хорошие места, и так, если тебя будут просить о милости кому-нибудь, хлопочи не в пользу имени, но в пользу заслуг и добродетели, это будет настоящее средство быть счастливою, чего тебе желаю».

Будущая царица ничего не ответила. Зато на следующий же день почти все Долгорукие получили, согласно царскому указу, высокие должности и немалые денежные подарки. Так что добрый совет дядюшки пропал втуне, зато московская аристократия зачесала в затылках: с таким трудом избавились от Меншикова, теперь Долгорукие в силу входят. Да в какую!

Некоронованный император день ото дня становился всё мрачнее и мрачнее. Рядом с ним уже не было любимой сестры, а тётку Елизавету те же Долгорукие постарались держать как можно дальше от двора. Пётр и Елизавета виделись украдкой, причём горько жаловались друг другу на самоуправство Долгоруких. Невеста от прежней неприличной развязности в обращении вдруг перешла к абсолютной холодности и неприступности, чем, конечно, не могла привлечь жениха. Единственное, что её заботило, — это бриллианты покойной княжны Натальи, якобы обещанные ей Петром.

Возможно, император и отдал бы постылой наречённой побрякушки, но неожиданно вмешался князь Иван, не слишком одобрявший интриги своей родни, и наотрез отказал сестре. А поскольку Иван пользовался неизменной благосклонностью своего царственного друга, княжна Екатерина бриллиантов не получила, зато затаила против брата смертельную ненависть, которую утолила много позже — в ссылке.

6 января 1730 года происходило водосвятие. Вопреки своим привычкам, Пётр показался на этом торжестве вместе с невестой. Несмотря на небывалые морозы, пара выехала в открытых санях и несколько часов провела на глазах у народа в абсолютной неподвижности. Вернувшись домой, император почувствовал озноб, а на следующий день врачи объявили, что он болен оспой. В тот же день по Москве прошёл слух, что государева невеста в тягости. С тех пор Екатерину за глаза иначе как «порушенной царицей» и не называли.

12 января болезнь государя приняла критический оборот, и Долгорукие собрались на семейный совет, дабы решить, кого определить в наследники престола. Если после Петра Первого императрицей стала его жена, то почему бы после Петра Второго не отдать трон его невесте? Подразумевалось, что впоследствии на трон возведут дитя, которое Екатерина носила под сердцем. Но и тут Долгорукие не могли прийти к общему мнению: одни считали это безумной авантюрой, другие — само собой разумеющимся шагом на пути к престолу. Следует сказать, что впоследствии и те и другие были наказаны с одинаковой жестокостью.

Наконец решили составить завещание, по которому император назначал Екатерину Долгорукую, свою обрученную невесту, наследницей престола. Оставалось только получить подпись умирающего Петра, но тут Долгоруких ожидало новое неожиданное препятствие. У постели своего воспитанника неотступно находился Остерман, который не мог допустить триумфа своих давних врагов. Правда, князь Иван давно наловчился мастерски подделывать подпись императора, но в данном случае нужен был подлинный автограф.

Не получилось. Сомнительное завещание так и осталось неподписанным, а использовать подложное Долгорукие побоялись.

Есть глухие сведения о том, что «порушенная царица» спустя три месяца разрешилась от бремени девочкой. Судьба этого младенца неизвестна, но в ссылку Екатерина Долгорукая отправилась просто как «девка Катерина, Долгорукова дочь». Пройдя через все ужасы жизни в Берёзове, принудительного пострига в монастырь, она сохранила свои невероятные надменность и презрение к окружающим её людям. Когда у неё попытались отобрать обручальное кольцо, она вытянула вперёд руку и бросила караульному офицеру:

— Руби с перстом!

Офицер отступил и перекрестился.

Спустя несколько лет, умирая, она приказала сжечь всю свою одежду, чтобы «никто после меня её более не нашивал».

Внук Петра Первого умер, так и не вступив в ненавистный ему законный брак... Мужское колено Царского дома Романовых пресеклось навсегда. ☞

Манушенко Евгений

24 года, инженер, г. Санкт-Петербург

Японский мотив

Когда буду стоять я в весеннем саду,
Вдыхая вишни аромат и ветер с моря
озорного,
То вспомню лишь Ту одну, о встрече
с которой мечтал
я давно...

Когда буду вскоре я в летнем саду
В полный штиль наслаждаться вишнями
спелыми,
Вспомню Ту лишь одну, что мне сердце
своё обещала
в сердцах.

Находясь на закате в осеннем саду,
Собирая с земли чёрной яблоки
зрелые,
Вспомню я летний сад...
И пойму, что лукавила Ты, говоря
мне тогда о любви...

В час ночной оказавшись зимою в саду,
Сонный снег я украдкой стряхну
с рукавов,
На восток посмотрю и, вздохнув,
улыбнусь -
Как же мне в эту ночь до весны
далеко!

БУДУТ ЛИ У НАС ДЕТИ?

Игорь Бестужев-Лада

Сравнительно недавно этот вопрос не обсуждался, а решался, так сказать, в рабочем порядке, сообразно законам природы, причём сексуальные отношения никак не связывались с вопросами деторождения. В пещерах, хижинах и даже во дворцах рождалось ровно столько детей, сколько было угодно богу. И умирало, не достигнув детородного возраста, больше половины. На всё воля божья!

Но со временем человек задумался и, связав воедино секс и деторождение, пришёл к следующему выводу: дети — это не столько божье благословение, сколько сплошная головная боль.

Во-первых, очень долго не разговаривает как человек, а орёт благим матом, лишая не только дневного, но и ночного покоя. Во-вторых, с возрастом начинает шалить всё изощрённее и порой не может успокоиться до самой пенсии. В-третьих, каждый ребёнок со временем обязательно становится подростком. А подросток — это такая сказка, которую лучше не читать, тем более что всего через несколько лет сказка становится вполне чужой, к тому же материально и морально очень обременительной.

Осознав такие перспективы, кандидаты в родители сделали два логических вывода: протянуть, сколь возможно, с созданием семьи — источника, откуда берутся дети, и минимизировать число детей в семье — желательно до нуля или хотя бы до единицы (типичная сегодня молодая семья). Всё это с блеском осуществляется последние десятилетия в самых развитых и благополучных странах мира.

И ведёт, естественно, к вымиранию населения этих самых стран. Как быть?

Самый простой путь осуществляется автоматически: вымиращее местное население стремительно заменяется эмигрантами из тех стран, где детей всё ещё рождается столько, сколько рождается, а уровень жизни оставляет желать лучшего. Жалобы при этом можно писать только на самих себя. И первыми это начнут делать белые американцы, которые по численности через энное количество лет могут сравниться с вытесненными ими же когда-то индейцами.

Впрочем, Европа не намного отстаёт в этом плане от Америки, равно как и европейская часть России.

Что же делать? Да проводить политику планирования семьи, когда иметь детей выгоднее и престижнее, чем не иметь. Есть ещё семьи, которые тяготеют к многодетности, нужно только создать им человеческие условия и обеспечить уважение в глазах общества.

Ясно, что большинство семей просто по инерции долго ещё останутся одно- или двухдетными. Но столь же ясно, что демографическая ситуация в стране существенно изменится к лучшему. Или хотя бы оттянется на неопределённый срок процесс естественного вымирания россиян.

Во всём мире развёртывается механизация, автоматизация, компьютеризация общественного производства. Помимо всего прочего это означает высвобождение миллионов и миллионов рабочих мест.

Наше предложение: использовать часть этого потенциала там, где рост населения сменяется убыванием, ростом процентной доли женщин, занятых домашним хозяйством и воспитанием детей.

Но если пустить дело на самотёк, ничем хорошим для человечества это не закончится. Просто рано или поздно закончится само человечество. Ибо и развивающиеся страны придут к тому моменту развития, когда дети станут для взрослых ненужной обузой. Цивилизуются, другими словами.

С этого момента дату рождения последних Адама и Евы подчитать будет очень легко. Даже в уме. ☞

Шоколадные крошки

(ПОЛЕЗНЫЙ ОПЫТ ОБЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ)

Елена Логунова

Ж

изнь родителей — это серия праздников на передовой. Торжества отмечаются без отрыва от боевых действий: в одной руке ремень, в другой — бокал шампанского, в голове — дикий коктейль из назидательных текстов, душеспасительных бесед, неистовой и беспомощной ругани и всепоглощающей родительской гордости.

Картинка с натуры

Обнаружив в кармане кусочек шоколадки, я по-братски делю его между мужем и сынишкой. Каждому достаётся по длинной дольке из четырёх кусочков.

— Это Колина шоколадка? — вежливо спрашивает мой ребёнок и, получив положительный ответ, запикивает в рот всю порцию разом. — А это чья шоколадка? Папина? — чуть погодя интересуется он сквозь сладкое чавканье. — Сейчас Коля папочку угостит!

Малыш предупредительно разламывает папину порцию на кусочки и первый из них заботливо вкладывает в рот растроганного родителя:

— Кушай, папочка!

Папочка с радостью кушает.

— А теперь Коля мамочку угостит! — покровительственно говорит Маша, отделяя следующий кусочек для меня. — Ешь, мамочка, шоколадка вку-усная!

Оставшиеся два кусочка ребёнок непринуждённо съедает сам.

Колян, получив в результате несправедливого дележа шоколадки всего четверть своей порции, умилённо смотрит на Машу. А я не знаю, хвалить ли сына за «подельчивость» или ругать за коварство. Мне смешно, и втайне я восхищаюсь малышом.

С одной стороны, дети, эти сладкие крошки, — наше счастье. С другой же, они наша боль, волнение, грусть, тоска, неизбывная тревога и вечная забота.

Можно ли так сильно изменить баланс в пользу первой позиции, чтобы дети для родителей всегда были нежными цветочками и никогда — ядовитыми ягодками?

Я думаю, это в большой степени вопрос восприятия, а его можно попытаться изменить.

Мне представляется, что радость от общения с ребёнком нужно в себе культивировать, а от огорчений по возможности уходить. Приведённые ниже нехитрые упражнения представляют собой не слишком изящную, но вполне эффективную комбинацию из хатха-йоги, дзен-буддизма, педагогики Макаренко и заклинаний Гарри Поттера. Рекомендую всем любящим родителям.

Упражнение первое: спокойствие, только спокойствие...

Нужно бороться с собственным стереотипным поведением, чтобы в самом раздражающем и вроде бы бесплодном занятии ребёнка постараться найти смысл и пользу. Это трудно, особенно потому, что искать надо молча и не распуская руки.

Тренируйтесь сохранять буддистское спокойствие и ровный доброжелательный тон даже тогда, когда ребёнок воеет, как тревожный сигнал Гражданской Обороны, и фонтанирует слезами, как все водомёты Петергофа, взятые вместе.

Если не знаете другого способа прекратить детскую истерику, сделайте что-нибудь совершенно неожиданное и небанальное.

Хорошо бы, например, дистанционно взорвать на клумбе под окном с полкило динамита, но запасы мин и снарядов в благородных семействах, как правило, ограничены, и хватает их не надолго. Придумайте что-нибудь другое. Например, подожгите разом большую пачку бенгальских огней. Или, совершенно по-булгаковски, забросьте на люстру кота, страдающего высотобоязнью. Выпустите из рукава стаю белых лебедей. В конце концов, просто убеждённо скажите прямо в зарёванную мордашу маленького бунтаря: «Коленька, ты такой хороший мальчик!» Ручаюсь, рёва очень сильно удивится и хоть ненадолго замолчит, а вы в этот момент сделайте ему предложение, от которого он не сможет отказаться (у нас хорошо работают старые добрые волшебные слова «конфета», «каруселька», «гулять»).

Сторонникам твёрдого и бескомпромиссного воспитания посоветуйте построить машину времени и отправиться на ней в древнюю Спарту. Если не отстанут — пошлите ещё куда подальше. В конце концов, почему потакать капризам взрослого любимого человека хорошо и благородно, а с малышом та же тактика объявляется ошибочной?

Что такое хорошо, что такое плохо? В стихотворении Маяковского данные понятия определены достаточно чётко, но в реальной жизни с этим сложнее.

Маленький мальчик, отнимающий чужие игрушки, — гадкий жадина, а большой дядя, скупающий чужие компании, — прекрасный бизнесмен. Кто дерётся в песочнице — хулиган, кто на полях сражений — герой. Плохо, когда мальчик подсматривает за девочками, но нормальная сексуальная ориентация у взрослого мужчины — это прекрасно. И так далее, и тому подобное... Что хорошо для взрослых, почему-то сплошь и рядом плохо для малышей. Политика двойных стандартов в чистом виде!

— Ваш Коля очень трудный ребёнок, — сочувственно говорит мне руководительница детской студии раннего развития. — Сегодня он не стал рисовать, как все. Он заявил, что устал, встал со стульчика и улёгся на ковёр. Другим детям тоже больше хотелось валяться на ковре, чем рисовать, но они сидели на стульчиках до конца занятия, а ваш Коля... Он такой непослушный!

Наш Коля действительно непослушный. Он не подчиняется окрикам типа «нельзя», «уйди», «прекрати», если они не мотивированы основательным объяснением — почему именно нельзя, что плохого произойдёт, если не прекратить. С ним очень трудно, уж я-то знаю это лучше всех! Однако речь преподавательницы вызывает у меня внутренний протест, который быстро прорывается наружу простым вопросом:

— Вы думаете, Рембрандт и Пикассо рисовали из-под палки?

Учёная дама замолкает. Подозреваю, она пытается вспомнить, что пишут биографы о детских годах Рембрандта и Пикассо. В образовавшуюся паузу вклинивается с вопросом муж. Ему тоже не нравится, что нашему сынишке клеят ярлык маленького оболтуса и хулигана, но он нарочито кротко интересуется:

— Сколько детишек в Колиной группе?

— Восемь, — отвечает воспитательница.

— Семь послушных и наш Коля?

— Да, а что?

— А то, что, когда эти семеро вырастут, нужен будет восьмой, который будет ими руководить!

Я аплодирую мужу стоя. Он гений! Понятно, в кого уродился наш ребёнок.

Дорогие родители, если у вас подрастает этот «восьмой», не пытайтесь всеми силами и любыми способами привести его к общему знаменателю!

Во-первых, вряд ли это у вас получится. Во-вторых, какой смысл? Вы хотите в будущем видеть вашего ребёнка слабовольным и безынициативным, систематически играющим роль ведомого? Рядовым работником на низкооплачиваемой должности? Ломовой лошадкой, которая везёт на себе всех и вся, не решаясь ни сбросить седло, ни хотя бы попросить прибавки к жалованию? Мямлей, который стесняется требовать с бессовестного приятеля деньги, взятые в долг в незапамятные времена? Хронической жертвой семейной тирании? Я — не хочу.

Это не значит, что нужно потакать детским капризам и позволять малышу решительно всё. Запрещайте то, что действительно вредно или опасно для самого ребёнка и окружающих, но при этом не подавляйте его личность, не глушите в нём тягу к творчеству. Особенно если сами понимаете, что творчество —

это нечто большее, чем возюканье водянистой акварелькой по блёклому тетрадному листочку.

Если Масыня не пойдёт по стопам своего дедушки-художника, мы все это как-нибудь переживём. Тем более что в компьютерной «рисовалке» ребёнок ваяет такие шедевры, что дедушке впору обзавидоваться. Главное — не убить в маленьком человечке сам дух творчества.

Но дух этот, надо сказать, частенько имеет обличье злого. Вот живой пример.

Мы с сынишкой собираемся спуститься с третьего этажа торгового центра на эскалаторе.

— Мамочка, смотри, какая красота необыкновенная! — кричит ребёнок, вырываясь вперёд.

Я смотрю и вижу две ступенчатые дорожки, движущиеся в противоположных направлениях. Ничего особенного, обыкновенный эскалатор!

Секундой позже выясняется, что я неправильно смотрю и не вижу главного — круто изгибающейся металлической полосы между двумя близко расположенными бортиками ограждения. Дорожки едут вверх и вниз, а разграничительная полоса шириной сантиметров тридцать остаётся неподвижной. Что и позволяет моему предприимчивому ребёнку использовать её как катальную горку.

Малыш с ветерком проносится меж двух стеклянных бортов и финиширует гораздо раньше, чем его «правильная» мамочка. Я в шоке! Беседа о том, что кататься по эскалатору без помощи собственно эскалатора нехорошо, проходит на повышенных тонах и затягивается до прихода отца семейства. Колян интересуется, что случилось. Я начинаю объяснять супругу и вдруг вижу, как у него загораются глаза.

— Ух ты! — восхищённо восклицает Колян-старший. — Круто! Молодец, малыш! Как это я в своё время не додумался до такой штуки?

Вот и подумайте, что важнее — дисциплина или творчество?

Упражнение второе: зрим в корень

Не позволяйте другим людям, даже вполне авторитетным — воспитательнице, учителю, тренеру, да хоть самому министру образования! — распространяться на тему плохого поведения вашего ребёнка. Никаких обобщающих выводов, рассматривать только конкретный случай!

Если мальчик в садике снял с ноги тапок и ударил им девочку, это вовсе не значит, что он жестокий и невоспитанный. Спокойно объясните ребёнку, чем плох его поступок, а потом вернитесь к упражнению номер один.

Если вы дадите себе труд разобраться, вам может открыться мотив, о котором вы и не подозревали.

Например, вы узнаете, что над головой девочки кружила большая и страшная оса. Смелый мальчик, вооружённый одним только шлёпанцем, рыцарски вступил в единоборство с кусачим насекомым, но мимо осы, увы, промахнулся, а мимо более крупной девочки — нет. Ребёнок хотел совершить подвиг, а в итоге им недовольны и девочка, и воспитатель, и два комплекта родителей — практически все, кроме уцелевшей осы! По-вашему, это справедливо?!

Упражнение третье: развиваем память

Не спешите корить малыша за поведение и поступки, которые с вашей родительской точки зрения кажутся неправильными. Сначала подумайте, в кого он такой? Скорее всего, выяснится, что предъявлять претензии нужно не ребёнку.

Я громко сетовала на то, что наш сынишка до невозможности разборчив в еде, пока моя собственная мама не заинтересовалась с напускной кротостью, не забыла ли я, какой сама была в детстве? Вспомнив варёный лук, конспиративно размазанный по кухонной стене, борщ, вылитый с балкона прямо на голову родного папы, и манную кашу, принудительно скормленную кошке, я пересмотрела своё отношение к Масиной манере питаться.

Мораль: любите своего ребёнка, радуйтесь тому, что он у вас есть, и при этом ведите себя так, чтобы ребёнка также радовало ваше существование.

Действительно, дети — это огромный мир, забавный, весёлый, порой не совсем понятный и по-своему мудрый. К сожалению, в наш скоростной век не всегда хватает времени внимательно приглядеться к своим чадам, а вот наш читатель Александр Савостьянов из города Клинцы Брянской области не только внимательно следит, как растёт и развивается его пятилетняя дочка Диана, но даже ведёт «Дневник родительских наблюдений».

Диана пришла из детского садика возбуждённая:

— Юрик сам меня выбрал, сказал: «Ты такая красивая девочка на свете». Mam, что мне делать?!

— ???

— Он дружит, дружит, пока не надружится! Он других девочек ненавидит, а меня навидит! У меня сердце болит всё время! Что мне делать?

Мама недоумённо разводит руками, и Диана сама находит выход из положения:

— Раз Юрик меня любит, надо что-нибудь ему нарисовать...

Тот же день, Диана играет в куклы.

— Невеста говорит: «Я хочу в садик...» Вот станет женой, тогда и пойдёт!

Мама бледнеет, а у папы рот до ушей...

Вечером мама выключила телевизор. Диана возмущается:

— Мама, что ты наделала? Ты испортила мне жизнь!..

— Мама, я так тебя люблю!

— Артистка ты, Диана, — улыбается мама.

— Ты тоже артиста! С тобой, мама, сплошная комедия!

Папа наказал Диану за непослушание. Диана рыдает:

— Мама, зачем ты меня родила? Зачем? Папа ребёнка хотел?!

Диана сидит и сосредоточенно чешет ногу.

— Тебя что, кто-то укусил? — спрашивает мама.

— Да! — односложно отвечает Диана.

— А кто?

— Не знаю.

— А кто знает? — удивляется мама.

— Бабушка!..

Мама ставит банки на порог, а кот путается под ногами.

— Не задави кису, он мой собственный друг! — предупреждает Диана.

Диана ест на ужин жареную картошку.

- Ну, всё съела? — интересуется мама.
- Больше не могу, сил нету!
- А где же они?
- Убежали...

После очередной разборки с мамой:

— Я только начинаю жизнь. А ты меня опять шантажируешь! — и Диана демонстративно уходит в соседнюю комнату.

Посмотрев очередную кулинарную программу по телевизору, Диана неожиданно заявляет:

- А я вам сделаю такую вкуснятину, что потечёт кровь!..

Как-то Диана услышала, как мама говорит папе: «...горько и обидно...»

Она тут же пускается в пляс со словами:

- Горько, горько! Вы целовались, а вам кричали «горько»!
- Мама с недоумением смотрит на папу, папа — на Диану.
- Я знаю, я всё слышала, когда в животике сидела!

Утром Диана внимательно смотрит на маму и сочувственно произносит:

- У тебя такие одинокие глаза, мамочка!
- Почему ты так думаешь?
- Не знаю, может, денег не дают...

— Мама, ты помнишь, как я маленькая пила у тебя из груди молочко?

— Помню, конечно, — улыбается мама. — А теперь мы покупаем молоко на рынке в банках.

- И ты будешь его себе заливать?..

Диана как-то заболела и осталась у бабушки. Когда навещавший её папа собирался уходить, она доверительно сказала:

- Передай мамочке привет!
- Горячий, доченька?
- Нет, горячий не надо, а то обожжётся. Лучше тёпленький.
- Как это?

Немного подумав, Диана подходит к отцу и нежно целует его в щёку.

- Ну, ты всё понял?!

Диана увидела по телевизору Чубайса.

- Чубайс — этот рыжий дядька — у нас свет отключает!
- А что, это плохо? — решила уточнить мама.
- Очень гадко, очень противно! Хорошие дяди свет не отключают. Надо было за других голосовать, а мне голосовать не дали!

Бабушка пришла в гости и принесла Диане гостинцы.

- У меня хорошая бабушка! — откровенно восторгается Диана и обращается к маме: — Помнишь, когда она была маленькой, она была такой хорошенькой!..

Мимо Дианы с мамой, раскачиваясь из стороны в сторону, проходит какой-то подвыпивший мужчина.

- Мама! Это не человек! — возмущается Диана.
- Ты ошибаешься, дочка, он человек, только очень ленивый...
- Да, мам, он ленивый проходимец!

На автобусной остановке папа с интересом поглядывает на очаровательную молодую даму. Диана подозрительно щурится, тянет папу за рукав — поближе к маме, и недовольно бормочет:

- Вот женился бы на такой, она бы тебе дала!

Мама учит Диану читать и просит прочесть название книги «Как Незнайка был музыкантом». Диана вслух читает: «Как Незнайка был дудителем...»

Папа сидит мрачный, и Диана интересуется, что с ним.

- Нет настроения, — отвечает папа.
- А у меня его много, я тебе всё своё настроение отдам! ☹

Поцелуй феи

Екатерина Постникова

— Т

ссс! — сказал врач. — Теперь смотри, только не пугайся.

В ячейке у двери детской палаты лежит новорождённый ребёнок, аккуратно завернутый в голубоватое одеяло. На сопроводительной табличке — пол, номер отделения и фамилия матери. У таких крошек ещё нет официальных имён, мальчику не исполнилось и суток.

— И на что смотреть?

— Да на ребёнка, не на меня же! — врач смеётся.

Впрочем, он мог бы не пояснять, потому что в этот момент я буквально всей кожей ощущаю взгляд младенца. Другие дети спокойно спят, причмокивая в своих смешных чепчиках, кто-то возится, хныкая, а он — смотрит. Прямо в глаза. Ясным, твёрдым, вполне осмысленным и даже ироническим взглядом, вполне уместным у человека лет сорока, да хоть у того же доктора, но никак не у грудничка, родившегося прошлой ночью.

— А мне говорили, что младенцы не фиксируют взгляд, — я невольно отвожу глаза и оглядываюсь на врача. Тот поправляет ребёнка одеяло (причём малыш следит за его движениями) и кивает мне на выход.

— Это сейчас так, — объясняет он уже в коридоре. — А фея его поцелует, и станет как все. Правда, что-то долго в этот раз, обычно пара часов — и порядок.

Акушерское поверье о загадочном «поцелуе феи» (другое название — «поцелуй ангела») возникло, как выяснилось, относительно недавно, когда в родильных домах стали активно применять стимуляцию родов и операцию кесарева сечения. Если раньше ребёнок рождался только тогда, когда организм матери оказывался полностью к этому готов, и некоторые женщины мучились по трое суток и зачастую так и умирали, никого не произведя на свет, то с развитием медицины процесс ускорился, и всё больше детей стало рождаться пусть ненамного, но раньше срока. И именно тогда врачи впервые обратили внимание, что не все младенцы одинаковы.

Конечно, это случалось крайне редко, буквально в единичных случаях, о которых старались не болтать. Но всё-таки случалось: дитя, только что извлечённое на свет, с ещё не обрезанной пуповиной, смотрело на них взрослым, осмысленным и порой даже неприятным взглядом, и крик, которым оно оглашало родовой зал, был не обычным захлёбывающимся мяуканьем, а воплем панического страха, злости или отчаяния. Такого ребёнка акушерки брали дрожащими руками и старались как можно скорее унести от матери.

— Однажды молодой девчонке, студентке, пришлось даже транквилизатор колоть, — рассказывает врач. — Она взглядом с дочкой встретилась — и в истерику, мол, ребёнок смотрит как старичок. Это было, когда я ещё учился, двадцать пять лет назад.

— А потом что с ними происходило?

— А потом... Никто не мог уловить момент. Лежит себе ребёнок, потолок рассматривает, и вдруг — бац, и всё. Обычный младенец. Вот про это и говорят «фея поцеловала».

— И медицина никак не объясняет?

— Никак. Показатели у этих детей в норме, и вырастают они обычными людьми.

...Обычными. Как Артём. Мы познакомились в Интернете, на форуме любителей эзотерики, и у меня ушёл месяц на то, чтобы вызвать молодого человека на откровенность. Закрытый почти от всех, внешне весёлый и общительный, он не рассказал о своей

тайне даже любимой девушке: боялся, что не поймёт, не поверит. Не знали и друзья, потому что никто не хочет прослыть «чужаком». Много лет назад задёрганная мама, выслушав его историю, раздражённо махнула рукой: «Хватит сочинять, лучше учился бы как следует!», и с тех пор Артём старался помалкивать.

— *Наверное, я помню максимум из возможного, —* говорит он, когда мы встречаемся в фойе большого кинотеатра, в районе, где молодого человека никто не знает. — *Целые, связные куски чьей-то жизни. Даже примерно сказать могу, что раньше было, что позже. Помню, например, как качается на волнах парусная яхта. В этой жизни ни разу моря не видел, а качку и тошноту помню хорошо. И как корпус яхты скрипит... Лицо какого-то мужика — я даже по историческим энциклопедиям искал, вдруг он известная личность. Знаешь, колоритное такое лицо, как у пирата, и повязка на голове зелёная, очень грязная... В общем, много всего помню. И даже как тонул, —* Артёма передёргивает. — *Вода холодная, мутная, ноги не слушаются... А потом раз — и снова вода, только на кафельном полу. И яркий свет.*

Артём родился на две недели раньше срока в состоянии внутриутробной асфиксии (удушьё) и долго лежал в детской реанимации.

— *Мать говорит, я ей сначала мёртвым показался, синий весь был. Откачали, а я не кричу. Младенцы же кричать должны, а я молчал и смотрел на неё.*

— *Ей показалось, что у тебя взрослый взгляд?*

— *Ей не до психоанализа было! —* смеётся парень. — *Но она часто почему-то мне рассказывала, как я родился. Наверное, беспокоило это её.*

...Другой человек, другая история.

Девушка Юля, 25 лет. Окончила престижный вуз и работает в международной компании. Очень красивая, эффектная, яркая. Своих воспоминаний не скрывает и охотно делится ими с любым желающим.

— *А что? Кто не верит, того не убедишь, а кто в теме, с тем интересно пообщаться.*

У Юлии есть муж, но нет детей.

— *Я всегда так и жила, —* рассказывает она. — *Всегда — это в смысле и сейчас, и в прошлой жизни. Много-много лет,*

кажется, до глубокой старости. У меня «там» был муж, мы жили в маленькой тёмной квартире, в каком-то городе вроде Питера... всё время туманы, дожди, серое небо. Ни одного яркого события не могу вспомнить. Просто равномерная тихая жизнь. Но очень долгая, такая долгая, что под конец я от неё устала.

Юля родилась путём экстренного кесарева сечения на месяц раньше срока. Мать оперировали под общим наркозом, поэтому о своём поведении в первые минуты жизни девушка ничего не знает.

— *Может, эта «фея» не всех детей целует? Знаешь, мне не верит никто, но я помню своё самое первое ощущение в этой жизни — усталость. Что-то похожее на фразу: «Ну вот, опять». Как дежа вю.*

...Третий персонаж — мужчина, который попросил не называть его имя и изменить детали. Его история самая показательная:

— *Меня, можно сказать, встретил на этом свете собственный отец, он принимал у мамы роды. Они тогда в селе жили, схватки начались неожиданно, раньше срока. Пока бабушка добежала до амбулатории, всё и случилось прямо в кухне. Когда пришёл врач, меня уже помыли и запеленали, а папа сказал: «Вот, родился. Вроде живой, только не кричит почему-то». Я помню зелёный линолеум в квартире, белую табуретку и сильный запах валокордина: отец выпил тогда половину пузырька на нервной почве, а половину разлил случайно. Помню маму на кровати, плед коричневый, люстру с висюльками... Когда я это потом рассказывал родителям, они были в шоке. По идее, тот день и ту квартиру я никак помнить не могу. Они переехали в другое место, когда мне полтора месяца было. Но я помню. А ещё помню то, что было до...*

«До» у этого человека была война. Всего один бой, точнее, эпизод боя, очень короткое и яркое воспоминание. С неба, вертясь в штопоре, пугающе близко падал горящий самолёт, а на земле, так же пугающе близко, горели редкий лес и грузовик на опушке. Какой-то человек побежал неизвестно зачем к машине, размахивая руками и спотыкаясь, потом упал и пополз. И тут же всё вокруг залило огнём.

— *Больше ничего не помню. Наверное, это был конец, потому что следующая картинка совершенно мирная: квартира, запах валокордина... Не знаю, не верю я в прошлые жизни и мистику*

всякую. Скорее всего, просто воспоминания как-то перемешались, и эту войну я по телевизору видел.

— Почему тогда вы просите не называть ваше имя?

После неуверенной паузы:

— Ну, знаешь, мало ли. А вдруг всё это правда? Я материалист, конечно, но что-то не нашёл я нигде фильма с таким сюжетом...

...Феномен «памяти прошлых жизней» до сих пор однозначно не объяснён наукой. Как и в других областях, тут существует масса гипотез, одна из которых, возможно, когда-нибудь превратится в истину, как гипотеза Чарльза Дарвина о происхождении видов — весьма спорная при жизни учёного.

Однозначно известно одно: некий процент современных людей утверждает, что помнит события, которые происходили до их появления на свет. Процент довольно большой — согласно опросам, проведённым многими исследователями, в том числе и мной на страницах моего сайта в Интернете, примерно каждый пятидесятый человек в разновозрастной выборке может описать картинки и ощущения, характеризующиеся как «воспоминания о прошлых жизнях».

Безусловно, здесь необходимо сделать поправку на человеческую фантазию, на стремление выделиться из массы себе подобных. Проще говоря, часть этих людей говорит неправду, иногда даже не отдавая себе отчёта. Как сказал агент Фокс Малдер в сериале «Секретные материалы», «I want to believe» («Я хочу верить»). Когда-то, в раннем детстве, человек придумывает красивую сказку, которая позже так врастает в сознание, что становится его частью, и даже детектор лжи в этом случае бесполезен.

Марина, 29 лет:

— Я помню, что жила в Венеции в конце XIX века. Мой отец продавал картины и держал гостиницу. У нас был красивый дом с видом на залив, я любила гулять по каменной набережной и смотреть на гондолы. Меня звали Фелиция, я была красивой брюнеткой, почти всегда носила белое. В двадцать лет я вышла замуж за богатого француза. У меня родились трое детей, два мальчика и девочка. Умерла я от тифа примерно в 40 лет.

— Марина, расскажи, пожалуйста, что происходило летом перед тем, как ты пошла в первый класс.

Долго вспоминает:

— Ммм... кажется, жила у бабушки... а, нет, у бабушки — это перед вторым классом... а перед первым, кажется, с родителями на море ездила. А что?

Улучать кого-то во лжи не моя привычка. Но ситуация, когда человек может изложить вполне связную, с началом и концом, легенду о прошлой жизни, плохо помня при этом события собственного детства, весьма распространена. Да что там детства! Некоторые люди, бывшие в прошлой жизни принцами, графами, известными военачальниками, знаменитыми писателями и признанными красавицами, помнящие мельчайшие детали тогдашнего быта, имена и наряды, с трудом вспоминают, что делали в прошлый четверг!

Неотъемлемое свойство человеческой памяти — избирательность. Нам просто необходимо забывать, иначе мы умирали бы молодыми от перегрузки психики. Порой даже то, что хочется всеми силами запомнить, постепенно стирается, оставляя вместо цельной яркой картинки лишь безликую хронологию событий да ничего не значащие детали: чьё-то лицо, ветка за окном, страница книги, запах. Конечно, воспоминания можно оживить, если постараться, но ничто не удерживается навсегда, в неизменном виде. Поэтому и похожа наша память на огромный фотоальбом, пестрящий разрозненными снимками. А что говорить о том, что — если принять гипотезу «прошлых жизней» — происходило вообще с другим человеком, в другую эпоху, и между ним и настоящим временем лежат два глобальных факта: смерть и рождение?..

Встречается и другая разновидность легенд — сознательная ложь. Возможно, такой человек действительно что-то помнит, но слишком смутно, чтобы кого-то этим поразить. Так и рождаются многие трогательные, красочные, героические и часто вполне правдоподобные рассказы. Некоторые идут дальше — они утверждают, что точно знают, кто из ныне живущих людей был их другом (любимым, родственником, ребёнком) в той, прошлой жизни! Порой образуются даже целые «сцепки», например, женщина, которая в прошлой жизни была мужчиной, встречает мужчину, который в прошлой жизни был женщиной, и выясняется, что они были женаты. А потом к ним присоединяется мужчина, который в прошлой жизни тоже был женщиной, любовницей мужчины,

который теперь женщина... Вы не запутались? Я — запуталась, когда однажды пообщалась с такими вот «разносторонними» людьми.

И боже упаси усомниться хоть на минуту в правдивости этих историй! Если человек, который действительно что-то помнит, в ответ на фразу «не верю» обычно пожимает плечами, то с рассказчиками описанного типа любые отношения будут сразу прекращены.

Как же понять, что вам рассказывают — правду, сказку, в которую верят, или сказку, в которую не верит и сам рассказчик?

Подытоживая свой опыт и опыт тех, кто им поделился, могу предположить, что человек действительно помнит прошлую жизнь, если:

1. его воспоминания не носят законченного характера, он затрудняется сказать, когда и где происходили эти события, не может их датировать (или может, но приблизительно);

2. при отсутствии сколько-нибудь цельной картины в памяти держатся мелкие детали или отдельные эпизоды (что свойственно настоящим воспоминаниям);

3. воспоминания носят ярко выраженную эмоциональную окраску;

4. пытаясь вспомнить детали, человек смотрит вниз, либо закрывает глаза, часто затрудняется в подборе слов, делает «жесты беспомощности»: сжимает кулаки, разводит руками, щёлкает пальцами и так далее. Как правило, после окончания рассказа остаётся недовольным, так как чувствует, что всё равно не выразил полностью свои ощущения;

5. спокойно относится к недоверию слушателя;

6. часто (но необязательно) у такого человека в прошлом имела место родовая травма (либо преждевременные, патологические роды, кесарево сечение), детская черепно-мозговая травма, серьёзное эмоциональное потрясение, ситуация так называемой клинической смерти.

...И всё же — при чём тут фея?

Есть вполне логичная гипотеза, что люди, за редким исключением, появляются на свет не в первый и даже не в десятый раз. Некая сущность (верующие называют её душой, а неверующие — электромагнитным коконом) не распадается после смерти

физического тела, а отправляется в свободный полёт в поисках нового пристанища, храня в себе информацию, накопленную, возможно, за сотни лет. Пристанищем её и становится оплодотворённая яйцеклетка, которая позже превращается в человека. В момент рождения вся предыдущая память блокируется до момента смерти, и ребёнок начинает свой опыт с нуля, накапливая без помех новые знания о мире. Возможно, для этого существует некий механизм, который даёт сбой при неправильном «сценарии» родов. Результат — только что появившееся на свет дитя смотрит на толпу незнакомцев взрослым взглядом бесконечно древнего существа, придавленного неподъёмным грузом вековой памяти.

Но природа гуманна. Ребёнок не сможет жить с таким опытом, и «поцелуй феи» — всего лишь запоздалое срабатывание механизма блокировки. Секунда — и крошечный ангел мирно сопит в кроватке, а персонал вздыхает с облегчением. Даже если что-то и зацепилось в памяти ребёнка, со временем оно смешается с новыми впечатлениями и не помешает ему жить.

Конечно, это всего лишь гипотеза. Возможно, ничего подобного нет, и живём мы всего один раз, исчезая после смерти бесследно. Но... как там говорил агент Фокс Малдер? «Я хочу верить». ☐

** Все истории рассказаны реальными людьми с их согласия.*

Глупые мысли

Мария Агафонова

Каждый вечер она заходит в комнату, переодевается в мохнатую пижаму и будит меня, взбивая подушки. Почему она спит со мной? Боюсь об этом думать. Разве можно меня любить? Я ведь даже не красивый. Говорят, уши великоваты, и морда кукишем. А она целует всё это и не морщится. Или морщится в темноте, а я не вижу?..

А может, ей просто скучно одной? Одному быть плохо, уж я-то знаю. Весь день я жду её, не умея ни с кем поделить своё одиночество, и от этого оно кажется бесконечным. Потом она заходит в комнату, где я на диване притворяюсь, что сплю, - и день исчезает вместе с глупыми моими мыслями.

Иногда она приходит усталая, сутулясь и бесконечно зевая. Пробирается к дивану, по дороге стягивая с себя одежду, и падает на него и на меня, и засыпает, не успев даже как следует улечься. Я оказываюсь подмятым и прижатым. Лежу в неудобной позе, запрещая себе шевелиться. А утром, когда она уйдёт, я разомну затёкшие конечности и буду весь день чувствовать себя ужасно счастливым. Просто так, без всякого повода и причины.

Порой она кажется очень грустной, лежит и думает о чём-то своём, пока не уснёт, а меня как будто и нет. Я молчу, не смея спрашивать, и недавно подумал, что, может быть, за это она меня и..?

Иногда я пытаюсь представить, что вся её грусть по невидимым проводкам перетекает в меня. И когда среди ночи она вдруг начнёт улыбаться, это означает, что у меня получилось.

Самое страшное – когда она плачет и задаёт вопросы, на которые я не умею ответить. Тогда я просто цепенею от собственной беспомощности, и ненавижу себя, и тоже почти плачу...

Но почему же всё-таки она со мной? Не могу этого объяснить.

Я ведь понимаю, что на свете сотни других плюшевых зайцев, и кое у кого, я уверен, уши посимпатичнее моих. Так почему тогда она выбрала меня?.. ☹

ИСПАНСКИЙ МИКЕЛАНДЖЕЛО

Ирина Опимах

Алонсо Кано. Автопортрет,
ок. 1645–1650 гг., Эрмитаж

В собрании испанской живописи Эрмитажа множество замечательных произведений, но и на их фоне эту картину невозможно не заметить. Создана она в 1645-1650 годах, а приобретена для коллекции российских царей русским консулом Гесслером в Кадиксе в 1834 году. Эта картина — «Автопортрет» Алонсо Кано. Удивительно выразительное лицо! Высокий лоб мыслителя, умные, проницательные глаза, слегка выдающийся вперёд подбородок... Всё говорит о том, что этот человек — обладатель сильного, непростого характера, не знающий, что такое компромисс, идущий по жизни своим непростым путём. Испанский Микеланджело — так звали его современники...

XVII век не принёс испанцам ни больших политических побед, ни военных, ни особенных богатств. Это было суровое время. Мирская власть в стране принадлежала королю, а духовная — Церкви. Огромную роль играл её полицейский аппарат — святая инквизиция, душившая всё светлое и новое. Ещё совсем недавно, в XVI веке, Испания была бога-

тейшим, благодаря своим обширным колониям, государством в Европе, а теперь страна находилась на грани банкротства. Ей ещё принадлежали владения в недавно открытой Америке и в Европе — большая часть Италии и Фландрия, однако величие Испании уже уходило в прошлое. Огромные средства, стекавшиеся в страну, тратились на непрерывные и разорительные войны. Народ нищал, разорялось мелкое дворянство, зато колоссальные золотые потоки шли в королевскую казну и в кошельки служителей Церкви, которая становилась всё более могущественным аппаратом подавления свободомыслия. Католицизм, суровый, не прощающий и не допускающий ни малейшего сомнения в своих догматах, пронизывал все стороны жизни народа. Казалось бы, у этой страны нет будущего. Но у культуры, искусства своя логика развития, и XVII век стал временем невероятного взлёта испанской культуры, временем выдающихся свершений и в литературе, и в театре, и, конечно же, в живописи. Недаром это столетие очень скоро станут называть золотым веком испанского искусства, а такие имена, как Сервантес и Лопе де Вега, Кальдерон и Пачеко, Тирсо де Молина, Рибера, Сурбаран и Веласкес, навсегда останутся в истории мировой культуры.

В замечательной плеяде испанских художников XVII века Алонсо Кано занимает особое место. Живописец, скульптор, архитектор — его талант был удивительно многогранен. Всё, чем он ни занимался, ему удавалось блестяще, недаром Кано называли испанским Микеланджело. Жизнь его сложилась вполне в стиле новелл Лопе де Вега — неуживчивый, непокорный характер создавал множество проблем, он всё время попадал в сложные, порой трагические ситуации, и лишь в искусстве находил то, чего был лишён в жизни, — покой, чистоту, красоту и гармонию.

Алонсо Кано родился в Гранаде 19 марта 1601 года в семье известного скульптора и архитектора Мигуэля Кано. Мать Алонсо тоже обладала художественными талантами — известно, что она была замечательная рисовальщица и, наверное, помогала мужу в создании скульптур. Неудивительно, что маленький Алонсо рано стал рисовать, и получалось у него вполне неплохо. Когда ему исполнилось 13 лет, семейство Кано по совету приятеля сеньора Мигуэля Хуана дель Кастильо переехало в Севилью — только

там, убеждал друга Кастильо, только в этом большом цветущем городе он сможет найти новые заказы.

И действительно, по сравнению с провинциальной Гранадой Севилья казалась настоящей столицей. «Кто не видел Севилью, тот не видел чуда», — гласит старинная испанская поговорка. В начале XVII века этот город, не так давно принадлежавший маврам, стал связующим звеном между Старым и Новым Светом. Вся жизнь Севильи была сосредоточена вокруг порта. Сюда приходили суда, гружённые золотом, серебром, пряностями и шелками, а в лавках торговали самыми изысканными товарами. Это был город контрастов, где бок о бок сосуществовали роскошь и нищета, набожность и преступление. Здесь сколачивались огромные состояния, растрчивались наследства, строились церкви, создавались великие произведения искусства и литературы. Одним словом, жизнь бурлила...

Семейство Кано быстро освоилось в Севилье. Если первыми учителями Алонсо были его родители, теперь он становится своим в мастерской Пачеко, попасть куда считалось большой удачей. Живописец, поэт, теоретик искусства, Франсиско Пачеко был хорошо известен не только в Севилье, но и во всей Испании. Его высочайший авторитет в вопросах искусства признавала даже Церковь — с 1618 года он состоял на службе инквизиции как эксперт (цензор) по вопросам искусства. Пачеко собрал вокруг себя лучшие умы тогдашней Испании, недаром его дом называли академией. Сюда приходили Сервантес, Эрнандо де Эррера, археолог Родриго Каро, лингвист Арготе де Молино, Ариас Монтано, теоретик искусства Пабло де Сеспедас. Юный Кано оказался в удивительном обществе. Именно здесь он встретился и подружился с Веласкесом, и их дружба очень помогала ему впоследствии. (Кстати, Веласкес стал столь близким человеком Пачеко, что тот даже выдал за художника свою дочь!)

Это были годы интенсивной учёбы — у друзей, у преподавателей, у античных мастеров, произведения которых Кано изучал во дворце герцога д'Алькала — герцог считался большим знатоком античного искусства.

Скульптурное мастерство Кано осваивал в мастерской другого известного севильца — Хуана Мартинеса Монтаньеса. Статуи в те времена делали из дерева, а потом ярко раскрашивали, стараясь точно передать объёмы, фактуру тела и тканей.

Для особой выразительности вставляли стеклянные глаза, и даже порой ноги и руки фигур двигались на шарнирах. Во всём этом было много от народных традиций, от традиций средневековой готической пластики. Монтаньес, крупнейший мастер того времени, создавал спокойные, гармоничные образы. Он не желал показывать физические страдания — их и так хватало в жизни. В его образах преобладали красота и покой. Полихромные скульптуры с применением позолоты несли людям праздник. Пачеко, большой друг скульптора, часто помогал ему раскрашивать деревянные фигуры. А Кано учился у своих великих учителей ремеслу и постигал настоящее искусство...

Одно из первых созданных в Севилье полотен Кано — «Сан Франсиско де Борха» (1624 год, Севилья, Музей изящных искусств) — соответствует изобразительным приёмам мастерской Пачеко, с её тёмной, насыщенной светотеневыми контрастами манерой письма. Пластическая сила отличает и прекрасную «Святую Инессу» (1634 год, погибла в 1945 году в Берлине).

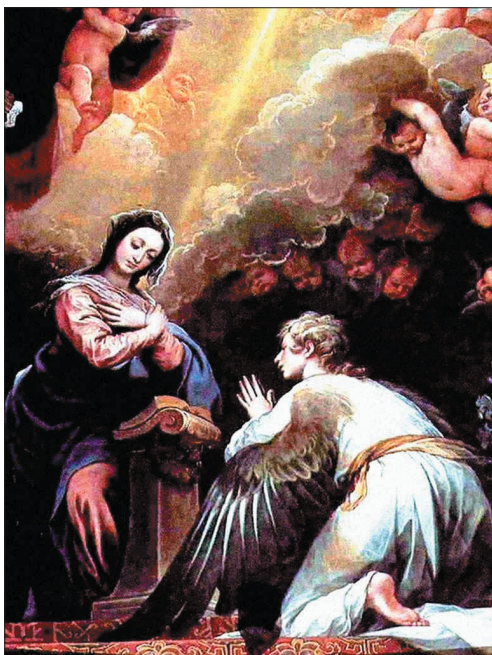
В 1625 году в жизнь Алонсо вошла любовь — он встретил очаровательную молоденькую вдовушку по имени Мария де Фигероа, которая стала его женой. На свадьбе были все его друзья, молодые художники, скульпторы, поэты. Но счастье длилось недолго — после двух счастливых супружеских лет Мария скончалась при родах. И Алонсо остался один...

Пылкий, темпераментный, он, наверное, не страдал от невнимания женщин — в Севилье было полно красавиц, го-

Алонсо Кано.

«Сан Франсиско де Борха», 1624 г.

Алонсо Кано.
«Благовещение»,
1652–1653 гг.,
кафедральный
собор Гранады

товых скрасить его ночи. Но ни одна из них не казалась ему той единственной, которая могла бы заменить Марию.

Единственное, что помогало забыть об утрате, о крахе семейной жизни, — работа. И он работал как одержимый. Первыми заметными его творениями стали скульптуры для ретабло церквей Сан Альберто и Санта Паула. Они очень понравились монахам, и о скульпторе заговорили. В 1630 году Кано продолжил работу, начатую его отцом в Лебрихе, небольшом городке недалеко от Севильи. В церкви Санта Мария де ла Олива, перестроенной из мечети, с элементами готической и ренессансной архитектуры, высится монументальное сооружение Кано — ретабло классического типа с колоннами большого ордера, статуями Девы Марии и апостолов Петра и Павла.

В 1631 году Алонсо снова женился — на юной племяннице скульптора Хуана де Уседа — Марии Магдалине де Уседа. Казалось бы, всё хорошо, но трудный характер не давал ему покоя. С ним всё время что-то случалось: то он попал в тюрьму из-за долгов, то,

поссорившись по какому-то глупому поводу, вызвал на дуэль своего приятеля Себастьяно де Льяно-и-Вальдеса и нанёс ему довольно серьёзную рану, после чего был вынужден покинуть Севилью. Но куда бежать? Ответ один — в Мадрид, в столицу, к Веласкесу, который уже давно работал при дворе короля Филиппа IV. Веласкес обязательно что-нибудь придумает, не сомневался Алонсо.

И Веласкес действительно помог ему — представил при дворе, дал самые высокие рекомендации (надо сказать, вполне обоснованные). Работы Кано понравились самым высокопоставленным, самым влиятельным фигурам при испанском дворе, и даже сам герцог Оливарес, могущественный королевский фаворит, жестокий вершитель судеб и при этом ценитель прекрасного, взял художника под своё покровительство. Симпатизировал Кано и король Филипп IV, известный в Европе собиратель живописи, благодаря которому мадридский музей Прадо ныне входит в ряд лучших собраний мира. Старания Веласкеса привели к тому, что вскоре Кано становится преподавателем наследника престола Бальтасара Карлоса.

В 1640 году в Эскориале случился пожар, и часть картин из королевского собрания погибли, а оставшиеся были серьёзно повреждены. Кано принял активное участие в реставрации. А позже он вместе с Веласкесом поехал в Италию покупать для испанского короля шедевры итальянских мастеров. Там, в Италии, он по-настоящему прикоснулся к итальянскому искусству, к великим античным образцам, к великим творениям гениев Возрождения. Эта поездка многое привнесла в его творчество, в понимание жизни вообще.

Вернувшись в Мадрид, Кано узнал, что освободилось престижное место главного художника, Maestro Mayor, в соборе древней кастильской столицы Толедо, и решил получить его. В том, что он достоин этого, у него не было никаких сомнений. И вот Кано с супругой приезжают в Толедо, снимают дом и собираются обосноваться в этом городе с прекрасными церквями, уютными улочками, где всё связано с великим Эль Греко, много лет прожившем в Толедо. И собор, в котором Кано предстояло работать, — одно из самых прекрасных сооружений Испании, а может, и всей Европы. Но тут в его жизнь вошла настоящая трагедия. Однажды, вернувшись из мастерской, он увидел страшную картину: его молодая жена лежала на полу бездыханная, а дом был полностью разграблен.

Вскоре обнаружилось, что после ограбления исчез его знакомый приезжий итальянец, к которому Кано ревновал свою молодую жену, хотя и сам был далеко не безгрешен — пылкую любовь к жене он вполне благополучно совмещал с регулярными визитами к некой даме... В общем, подозрения падали на художника. Поняв, что арест неминуем, он бежит в Валенсию и укрывается в картезианском монастыре, надеясь, что там, под защитой монастырских стен, обретёт спасение. Но разве способен был этот человек долго усидеть в монастырской тиши! Кано снова возвращается в Мадрид. И уж там ему не удаётся остаться незамеченным — его поймали и посадили в тюрьму, более того, приговорили к пыткам, надеясь, что он сознается в совершённом злодеянии. А испанцы того времени освоили науку пыток в совершенстве, недаром вся Европа знала, что такое испанский сапожок! Что пришлось испытать несчастному художнику, трудно себе представить. Однако Кано выдержал все эти мучения более чем достойно, не проронив ни слова, не моля о пощаде и надеясь лишь на бога. Король, услышав об этой истории, велел мучителям Кано пытать его так, чтобы не повредить правую руку художника — может, он действительно злодей и убийца, а живописец всё-таки неплохой! Филипп следил за тем, как проходило расследование по делу Кано, и, узнав о мужественном поведении сеньора Алонсо при пытках, помиловал его (наверняка не без влияния Веласкеса) — признал невиновным и даровал свободу.

Удивительное дело — творчество Кано поразительно контрастировало с его беспокойным, непокорным характером, неурядицами и несчастьями, словно преследовавшими его. В искусстве его тянуло к спокойным и гармоничным образам, к их идеальной трактовке, лиризму. Он, как и его учитель Мартинес Монтаньес, избегал изображения драматических ситуаций. Произведения Кано отличались живописностью, пластичностью, мягкостью форм и изысканной полихромией. Работая в традиционных жанрах религиозной скульптуры, он с одинаковым успехом создавал как величественные, монументальные, так и более камерные статуи, к тому же сам их раскрашивал.

Пережив страшные дни заключения и пыток, Кано почувствовал острое желание вернуться на родину, и в 1651 году снова приехал в Гранаду, где получил место мастера кафедрального

собора. После всех передраг Кано всё тот же — непокорный, неуступчивый. Он отвергает предложение принять сан, постоянно ссорится с капитулом, но при этом в 1652-1653 годах создаёт для собора большой цикл «Семь радостей Марии» — огромные картины, украшающие главную капеллу собора, посвященные жизни Девы Марии. Уравновешенность живой и в то же время строгой вертикальной композиции, выразительные фигуры, их позы, жесты, мимика лиц — всё это образует монументальный ансамбль. Вместе с созданным позднее фасадом собора творение Кано представляет собой уникальный пример сочетания настенной живописи и архитектурных форм.

Несмотря на прекрасные работы, которые Кано выполнял для собора, монахи никак не могли простить ему отказ стать их собратом во Христе. После очередного скандала Кано был вынужден уехать в Мадрид. И там, видимо, что-то произошло в его душе — он всё-таки смирился и принял сан. А может, сделал это лишь потому, что монахи угрожали не выдать заработанных им денег. Так или иначе, теперь ему уже ничто не мешало занять место главного мастера и каноника Гранадского собора и создавать статуи святых Антония Падуанского и Иосифа, Иоанна Крестителя и Иоанна Евангелиста, голов апостола Павла и Сан Хуана де Дьос (Гранада, Музей изобразительных искусств), представленных в состоянии глубоких душевных переживаний, затаённого страдания.

Принято считать, что живопись Кано — менее интересная и самостоятельная часть его творчества, что в его картинах ярко проявляется влияние итальянского Возрождения, испанских современников, широкое обращение к европейской гравюре. И действительно, с начала 1640-х живопись Кано стала светлой, лёгкой, приобрела свободу мазка. Влияние Тициана, Веронезе, гравюр итальянских маньеристов сказалось в его известных картинах «Не тронь меня» (1648 год, Будапешт, Музей изобразительных искусств), «Мёртвый Христос, поддерживаемый ангелом» (1638-1652 годы, Мадрид, Прадо). Близость к Веласкесу ощущается в полотне «Чудо у колодца» (1649 год, Мадрид, Прадо), в обнажённых человеческих фигурах — «Нисхождение Христа в ад» (1652 год, Музей Лос-Анджелеса), отчасти в созданных для мадридского Алькасаара «Вестготских королях» (Мадрид, Прадо). Но, что бы ни говорили искусствоведы, живописное наследие Кано обладает несомненной художественной целостностью, красотой

Алонсо Кано.
«Непорочное зачатие»,
1665 г.

форм, безупречностью композиционных решений, выразительной пластикой и великолепной цветовой гаммой.

Кано с большим энтузиазмом принял участие в украшении интерьера собора в Гранаде, создав полихромные деревянные бюсты Адама, Евы и апостола Павла. Заключённые в ниши-медальоны бюсты Адама и Евы помещены при входе в главную капеллу. В гранадском соборе хранятся статуи и меньшего размера — «Мадонна с младенцем Белен» (Музей собора) и «Непорочное зачатие» (1655 год, сакристия собора). Кано, два раза переживший потерю любимой женщины, боготворил женственность. И когда в его душе царил покой, и когда неудачи преследовали его, в его душе жил идеал возвышенной женской красоты, который он чаще всего воплощал в образе Девы Марии.

Гранадское «Непорочное зачатие», хрупкая статуя Девы Марии, составляет всего 50 сантиметров. (Соборное духовенство решило поместить её в сакристии, и Кано пришлось создать другую, более импозантную скульптуру Девы Марии). Скромная

маленькая «Чикита» («Девочка»), как прозвали эту статую, — одно из лучших творений Кано, сумевшего воплотить в едином образе красоту естественных форм и безупречность пластической и цветовой трактовки.

Незадолго до смерти Кано создаёт один из самых необычных и прекрасных памятников испанской архитектуры XVII века — главный фасад гранадского собора (проект был осуществлён в 1703 году Х. Гранадосом). Творение Кано — настоящая картина из камня, шедевр барочной архитектуры XVII века.

Казалось, он смирил свою гордыню. Много времени проводил в молитвах, занимался благотворительностью, помогал бедным. Когда в кармане у него не оказывалось денег на милостыню, он дарил нищим свои рисунки, которые писал тут же, на улице, при этом давал чёткие указания, где и за сколько их можно продать.

До конца жизни художник сохранял святое отношение к искусству — не терпел дешёвых поделок и безвкусицы. Он лежал на смертном одре, когда пришёл священник исповедать его. Кано с руганью отказался принять из рук священника распятие — и только потому, что оно было сделано неумело, грубо, а тонкий эстет Кано не мог вынести его вида.

Так, в 1676 году в возрасте 76 лет закончил свои дни этот смутьян и бунтарь, выдающийся художник, скульптор и архитектор Алонсо Кано, как сказал один из исследователей его творчества, «ренессансная фигура, блуждающая по дорогам Испании Филиппа IV». Похоронили его в соборе Гранады — том самом, которому он отдал столько сил, где и сегодня хранятся его картины и скульптуры, и чей фасад — одно из его главных творений — считается вершиной испанской архитектуры.

К сожалению, многие произведения Кано погибли в огне революций и войн, не раз после его смерти терзавших испанскую землю, но и те, что сохранились, говорят о его большом, настоящем таланте. Недаром испанцы свято хранят память об Алонсо Кано, испанском Микеланджело, недаром его имя носят улица и станция мадридского метро, недаром его произведения украшают собрания лучших музеев мира. ☞

Владимир Бочаров

Пловец

К середине 1916 года война на русском фронте приняла формы позиционно-окопной, не имевшей перспектив и не предвещавшей никаких особых перемен. Солдатский ресурс уничтожался в ходе упорных затяжных боёв.

Русская пехота в окопах, залитых осенними дождями, с трудом отбивала редкие атаки немцев и пыталась выжить под регулярными артиллерийскими обстрелами.

В минуты затишья солдаты, находя сухие островки и прикрывшись сверху шинелями, курили махорку и вели разговоры о довоенной жизни, казавшейся сейчас чем-то нереальным, вспоминали жён, детишек, родню...

— Эй, бродяги, где мне отыскать капитана Ершова? — прервал тихую беседу голос прапорщика.

— Вы, ваше благородие, осторожно ступайте, а то, неровен час, поскользнётесь и измажетесь в грязи, а сушиться негде, костров не жжём — дров нет, — посочувствовал один из солдат.

— Упаду так упаду, чего уж там, — улыбнулся прапорщик.

— Вот, Гришка вас проводит, а то будете до ночи плу-
тать, — продолжал солдат.

Молоденький солдатик резво вскочил и повёл прапорщика
к дальней землянке.

— Чистоплюй, наверное, штабной, ходят здесь, кому
не лень, лучше бы поесть чего-нибудь принёс, — выругался
пожилой солдат с окладистой бородой.

Отпустив сопровождавшего его Гришку, прапорщик вошёл
в землянку. Посередине стоял небольшой стол, сколоченный
из неструганных досок, вокруг него, тихо переговариваясь, си-
дели офицеры, сиротливый огарок тускло высвечивал серебро
погон на плечах.

— Вам кого, прапорщик? Да не стойте у входа, присаживай-
тесь, — пригласил сидевший ближе всех к столу подпоручик.

— У меня пакет для капитана Ершова из штаба, — ответил
прапорщик, пытаясь в полумраке рассмотреть лица сидящих
офицеров.

— Давайте сюда пакет, я Ершов, — раздался из угла чуть
глуховатый голос.

Прапорщик на долю секунды замялся, не решаясь пере-
давать пакет.

— Ты что, сомневаешься, что перед тобой капитан Ершов?
Не сомневайся, я за него ручаюсь, — улыбнулся подпоручик.

— Вот, извольте, моя офицерская книжка, — протянул
прапорщику удостоверение капитан.

— Прошу извинить, приказано лично в руки, отсюда
и осторожничаю, — виновато проговорил прапорщик и вручил
капитану пакет.

Поспешно вскрыв его и бегло ознакомившись с донесе-
нием, капитан поднялся, на ходу набрасывая на себя шинель.

— Пётр Сергеевич, тут такое дело, одним словом, пред-
писано незамедлительно явиться в штаб, — обратился Ершов
к подполковнику, сидевшему рядом с ним.

— Ну, что я тебе могу сказать, голубчикю... Собирайся
и дуй до горы, только надолго не задерживайся, командовать
будет некому. Хотя давай на всякий случай простимся, одним
словом, война ведь, — по-отечески попрощался подполковник.

Перекинув через плечо солдатский вещмешок, Ершов
вышел из землянки и побежал догонять прапорщика.

Через два часа они были уже около штаба. Войдя в серое двухэтажное здание, капитан в нерешительности остановился около лестницы, посмотрел на свои выпачканные грязью сапоги и спросил:

— Послушайте, прапорщик, где можно привести себя в порядок?

— Сейчас мигом устроим, — бойко ответил тот и показал на одну из дверей в коридоре.

Вычистив сапоги и поправив на себе форму, Ершов решительно постучал в дверь кабинета, где его должны были ждать.

— Войдите, — раздался приглушённый голос.

Сергей плотно закрыл за собой массивную дверь и отчеканил:

— Ваше превосходительство, капитан Ершов по вашему приказанию прибыл!

— Вот что, Ершов, честно говоря, не хотел тебя отпускать, самому нужны толковые командиры, но на тебя из контрразведки пришла разрядка, поэтому срочно оформляй командировку и отправляйся в Москву к подполковнику Селезнёву. Что и как, там тебе объяснят, — устало проговорил сидевший за столом полковник.

Оформив документы, Ершов вечерним поездом выехал по назначению. В вагоне его соседом неожиданно оказался старый знакомый, даже друг, Андрей Яковлев, с которым ещё в 1902 году Сергей заканчивал в Кронштадте водолазную школу. Они допоздна проговорили о новых английских водолазных костюмах и о гибели линкора «Императрица Мария».

На следующее утро, проснувшись, друзья сидели в купе за столиком и, обжигаясь горячим чаем, вспоминали Порт-Артур, эскадру адмирала Рождественского, утомительный и трудный ремонт кораблей в холодных водах. За разговорами и воспоминаниями время пролетело незаметно, Яковлев сошёл с поезда раньше, не доезжая до Москвы, пообещав Сергею, что обязательно разыщет его после войны, и они вместе поедут в Балаклаву на поиски сокровищ «Чёрного принца». Оставшись в одиночестве, Ершов уныло смотрел в окно, слегка подрёмывая под стук колёс.

На одной из станций в купе подсели сёстры милосердия. Так, за чаем и непринуждённым разговором, шумная компания незаметно доехала до Москвы. Одна из медсестёр, Марина Ме-

зенцева из Курской губернии, понравилась Ершову, и при расставании они обменялись адресами и пообещали писать друг другу.

Шагая по перрону Александровского вокзала, Сергей с радостью вдыхал в себя воздух родного города, в котором не был несколько лет. Взяв извозчика, он сразу поехал в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). Отыскав нужный кабинет, постучал и, услышав «войдите», переступил порог комнаты.

У большого окна стоял средних лет военный, с отменной выправкой.

— Извините, меня вызывал Селезнёв Анатолий Степанович, могу я его увидеть?

— Я Селезнёв, а вы, как я полагаю, капитан Ершов. Как доехали?

— Спасибо, хорошо. Давно не был в Москве, соскучился, — беззаботно выпалил Сергей.

— Закуривайте, разговор у нас с вами будет долгий, — предупредил подполковник, протягивая капитану пачку папирос «Бар».

— Благодарю вас, я не курю, — вежливо отказался Ершов.

— Вот, полюбуйтесь, свежие газеты — и все пестрят одним и тем же: «Гибель линкора», «Шпионы на корабле», «Халатность команды» и так далее. Вы-то что по этому поводу думаете? — спросил подполковник.

— Я считаю, что это диверсия со стороны Германии, — убеждённо высказался Ершов.

— Почему вдруг Германии, а не Англии, например? Ведь союзникам тоже не нужна сильная Россия, — устало сказал Селезнёв, усаживаясь в кресло.

Наступила небольшая пауза, оба молчали. Наконец терпящийся в догадках капитан не выдержал и поинтересовался:

— Меня вызвали сюда для подъёма «Императрицы Марии»?

— Нам известно, что вы водолаз, у вас большой опыт работы на воде, но линкор и без вас поднимут. В Цусимском сражении нами были взяты в плен несколько японских моряков. На допросе один из них рассказал, что у японцев есть подразделения подводных пловцов, готовящихся для подрыва мостов и кораблей, — начал разговор подполковник.

— Я ничего не слышал о подводных подразделениях, — удивлённо произнёс Ершов.

— Пока оставим эту тему, лучше расскажите подробнее о себе. Мне важно узнать всё, что связано с подводными работами, в которых вы принимали непосредственное участие, а также ваши спортивные успехи до войны, — продолжал подполковник, прикуривая папиросу.

— Плаванием я начал заниматься ещё до поступления в военное училище. Когда бывал в Петербурге, посещал Шуваловский бассейн, участвовал в соревнованиях пловцов, состою в плавательном кружке «Сходня», выступал за команду ватерполистов Москвы. Посещал кружки фехтования и гимнастики, закончил водолазную школу в Кронштадте. Вот, вроде, и всё, — стараясь ничего не упустить, доложил Ершов.

— А правду говорят ваши приятели, что вы переплывали через Урал и Волгу? — с любопытством спросил подполковник.

— Пospорили, вот и пришлось доказывать, хотя там, где я переплывал, было не очень глубоко и широко, — улыбнулся Сергей.

— Вы меня простите, капитан, за интимный вопрос, но хотелось бы знать, есть ли у вас любимая девушка и кто она? И ещё, какими языками вы владеете? — продолжал свои расспросы подполковник.

— У меня была любимая девушка, Дарья Олсуфьева, но мы с ней давно расстались, в настоящее время у меня никого нет. Что же касается иностранных языков... Здесь тоже всё получилось из-за спора. Как-то, гуляя с Дашей по парку, мы повздorили, так как я не смог перевести какую-то фразу из книги, которую она читала. В сердцах мне было высказано, что я лодырь и никчёмный кавалер. Вот тогда-то я и пообещал выучить английский, немецкий, французский, итальянский и польский языки, — слегка разволновавшись, объяснил Ершов.

— Так теперь вы легко говорите и пишете на пяти языках? — удивился подполковник.

— Да, я выиграл спор и получил приз — поцелуй Даши Олсуфьевой, — горделиво ответил Сергей.

— Какой вы, однако, спорщик! Но всё остальное, о чём вы рассказали, весьма похвально, — поднимаясь с кресла, заметил подполковник и внимательно посмотрел на капитана. — Я не ошибся в своём выборе. С этой минуты вы предписываетесь к нашему ведомству. Поедете в Италию как частное лицо, в школу

подводных пловцов. Заведует этой школой Анджелло Беллони, специалист в прямом смысле этого слова. Завтра явитесь к двенадцати часам в кабинет № 23, где получите рекомендательные письма, деньги на проживание, контакты и инструкции. Есть мнение создать подводную школу пловцов у нас, в России. Идёт война, специалистов нет, из выпусков водолазной школы никого не собрать, кто погиб, кто ранен, к тому же незнание языков, одним словом, неразбериха. Поэтому вы единственный кандидат на эту должность, вся надежда на вас, — твёрдо проговорил подполковник, закрывая серую папку с документами и написав что-то на её обложке.

Пропрощавшись с Ершовым и пожелав ему напоследок удачи, Селезнёв плотно закрыл дверь, взял со стола папку, на которой его рукой было выведено «Пловец», и спрятал её в сейф.

На улицы Москвы опустился вечер. Сергей торопился домой и подгонял извозчика, мечтая наконец обнять родных, отмыться и как следует выспаться. Завтра первая половина дня у него свободна, так как в ГУГШ назначено к обеду.

Вот и родной дом! Взбежав по ступенькам наверх, Сергей несколько раз дёрнул за шнурок звонка. За дверью тут же послышались шаги, и она широко распахнулась. На пороге стояла мама. Они вошли в квартиру, где, раскинув руки, уже шёл навстречу отец. Через некоторое время они втроём сидели за столом, пили чай с душистым вареньем и слушали рассказы сына. Наконец у Сергея начали слипаться глаза, он встал, отправился в свою комнату и, бросившись на кровать, мгновенно заснул.

На следующий день Ершов поехал в ГУГШ. Отыскав кабинет № 23, в течение нескольких часов выслушивал устные наставления, после чего ему выдали деньги и рекомендательные письма.

Очутившись снова на улице, Сергей подумал, что неплохо бы где-нибудь пообедать, и решил зайти в «Славянский базар». И тут неожиданно столкнулся в переулке с Мариной.

— Вот так встреча! Серёжа, я сначала засомневалась, вы ли это, но, оказывается, не ошиблась, — радостно воскликнула она.

— Я тоже очень рад нашей встрече и приглашаю вас в ресторан, — галантно проговорил Ершов.

— У меня, к сожалению, не так много времени, перед отправкой на фронт разрешили навестить родных, теперь спе-

шу на вокзал. Но, кажется, — посмотрела она на часы, — я могу уделить вам время.

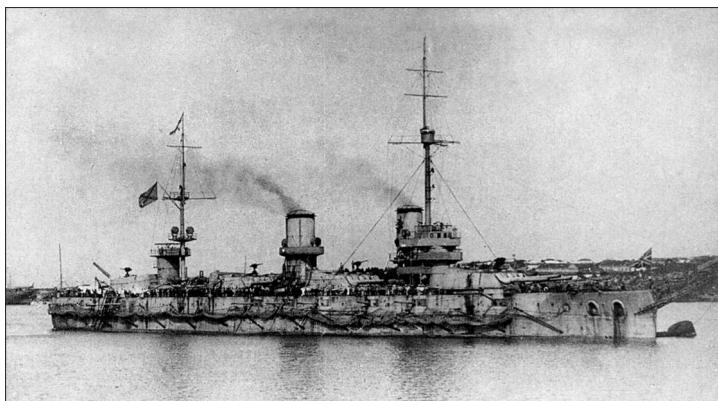
И они поспешили к «Славянскому базару». Выбрав уютный столик у окна, Сергей заказал студень, рассольник из потрохов, жареную телятину с картошкой, а на десерт — мороженое и кофе.

Они сидели за столом, не замечая никого вокруг, и разговаривали — ни о чём и обо всём. Так не хотелось расставаться! А потом Сергей проводил Марину на вокзал и пообещал, что будет писать ей, а после войны они обязательно встретятся.

На другой день Ершов поехал в магазин, чтобы купить новый костюм и всё необходимое для путешествия. Вернулся домой уже под вечер, уставший, но довольный покупками. Мать уже накрыла на стол и ждала сына к прощальному ужину. Было очень тоскливо, мама украдкой плакала в платочек, а отец изо всех сил старался выглядеть спокойным и поддерживать разговор. После невесёлого ужина Сергей простился с родными и поехал на вокзал...

А через несколько дней он уже был в Италии. Сняв комнату и осмотревшись, направился по адресу, указанному в письмах. Рекомендации и деньги сделали своё дело. После оплаты он был сразу зачислен в частную школу пловцов-подводников. Занятия проходили ежедневно, за исключением воскресенья. Три месяца группа из пятнадцати человек, в которой были два датчанина, один югослав, одиннадцать итальянцев и Ершов, занималась теорией. Сергей выдавал себя за польского эмигранта с итальянскими корнями, желавшего для себя освоить «прибыльную» специальность. Многие из того, что преподавалось в школе, он уже знал, но многое открывал для себя впервые, особенно что касалось нового современного оборудования и работы водолазов на больших глубинах. Интересным и неожиданным оказался подход к подъёму кораблей и больших предметов, а также раздел по тактике группового погружения.

Когда море прогрелось, начались практические занятия, их вёл сам маэстро Анджелло Беллони. Он работал на воде настолько блестяще, что ученики буквально боготворили его. Теория отрабатывалась на практике, и постепенно Сергей вошёл в ритм занятий и вообще привык к итальянскому образу жизни. По вечерам он прогуливался по песчаному берегу и слушал успокаивающий шум прибоя. Ему нравилась размеренная жизнь

Линейный корабль «Императрица Мария».

городка, иногда он заходил в кафе, находившееся недалеко от пирса, пил вкусный кофе, читал итальянские газеты, из которых и черпал скудные новости о России.

Так незаметно пролетел год. Учёба подошла к концу, Сергей успешно сдал экзамены и получил диплом. На последнем выпускном экзамене ему предложили поработать в доке порта водолазом в какой-то частной фирме, и Сергей не раздумывая согласился на заманчивое предложение.

Проработав в порту четыре месяца, Ершов собрал большой материал о прибытии торговых и военных судов, их ремонте и перемещении. Передав собранный материал курьеру, Сергей получил от него устное уведомление о немедленном возвращении и, быстро приведя в порядок дела и рассчитавшись в порту, уже на следующий день выехал вечерним поездом домой, на родину.

Добирался долго, на перекладных, попав в круговорот революционных событий. На всём пути следования агитаторы провоцировали и подстрекали солдат и матросов, бежавших с разных фронтов, а истеричные дамочки призывали массы к борьбе «за светлое будущее». Доехав до Москвы, Ершов прямо с вокзала отправился в ГУГШ. В самом здании царя неразбериха, повсюду валялись какие-то бумаги, сломанные стулья, разорванные стенды, а знакомый кабинет был распахнут настежь. Капитан увидел в комнате поручика, который собирал в стопку листы

бумаги с машинописным текстом и бросал их в пламя костра, разведённого тут же, на полу.

— Вам кого? — поспешно спросил поручик, поворачиваясь к Ершову.

— Я бы хотел увидеть Анатолия Степановича, — сказал Сергей, протягивая поручику свой иностранный паспорт.

— Не дождался вас подполковник, застрелился, видите, что вокруг творится, революция, одним словом, всё с ног на голову встало, теперь я выполняю его обязанности. Даже не знаю, что с вами делать. Новых приказаний не поступало, а по старой инструкции вам дорога в контрразведку Черноморского флота. Вот только есть ли сейчас в этом надобность, не знаю, всё развалилось, — с грустью в голосе произнёс поручик, возвращая капитану паспорт.

— Что же мне делать? Может, вернуться в часть? — растерянно спросил Ершов.

— Знаете что, я дам вам сопроводительное письмо к полковнику Штырёву, который служит в контрразведке, он толковый, к тому же про вас знает, только письмо получше спрячьте. А в часть возвращаться незачем, фронт открыт, да и вообще, может, зря вы приехали, оставались бы там, ведь наверняка могли бы найти работу, так нет, назад потянуло. Старорежимный патриотизм нынче не в почёте, но приказывать я вам не могу, решайте сами, — поручик попрощался, пожелал Ершову удачи и напоследок посоветовал не переодеваться в военную форму.

Выйдя из ГУГШ, обескураженный Сергей взял извозчика и поехал домой. После слёз, вздохов, объятий, отец, уже сидя за столом, во всех подробностях рассказал о беспорядках, беззаконии и несправедливости, царивших в городе. Сергею не хотелось расстраивать родителей, с которыми он не виделся два с половиной года, сообщением о том, что завтра вечером ему придётся уехать на юг. Зашив письмо в лацкан старого пиджака, он почти до утра проговорил с отцом, пока мать не настояла, чтобы мужчины разошлись по своим комнатам и легли спать.

На следующий день Сергей поехал на вокзал, на всякий случай простившись с родными, — вдруг повезёт и удастся достать билет на ближайший поезд. Ему действительно повезло, он купил билет у какого-то спекулянта, тёршегося возле длинной очереди, и, счастливый, пошёл к своему вагону. Но его место,

как и места других «законных» пассажиров, оказались заняты пьяными солдатами, возвращающимися с фронта. Приютившись в тамбуре вместе с остальными «неудачниками», Сергей доехал до промежуточной станции и пересел в другой поезд. Так и ехал до конца, пересаживаясь по пути из одного поезда в другой. Бесконечные проверки и высаживания из вагонов вымотали его окончательно. Добравшись, наконец, до места назначения, он никого не нашёл в контрразведке, да и само здание было занято каким-то другим непонятным ведомством. Письмо пришлось уничтожить, и Сергей очень жалел, что не остался дома, а попусту притащился бог знает куда.

Понадобилось полтора месяца, чтобы снова вернуться в Москву. Усталый, голодный, разочарованный, поздним вечером Ершов позвонил в дверь своей квартиры. Родители, естественно, не ждали его так скоро и очень обрадовались приезду сына. Сергей даже не стал ужинать, а сразу лёг спать.

А на следующее утро разговор с отцом всё же состоялся.

— Сергей, может, тебе вернуться в Италию, переждать там смуту? — предложил отец.

— Нет, в Италию я не поеду, думаю, вся эта вакханалия скоро закончится, и всё встанет на свои места. Надоело скитаться, лучше уж дома, — улыбнулся Сергей.

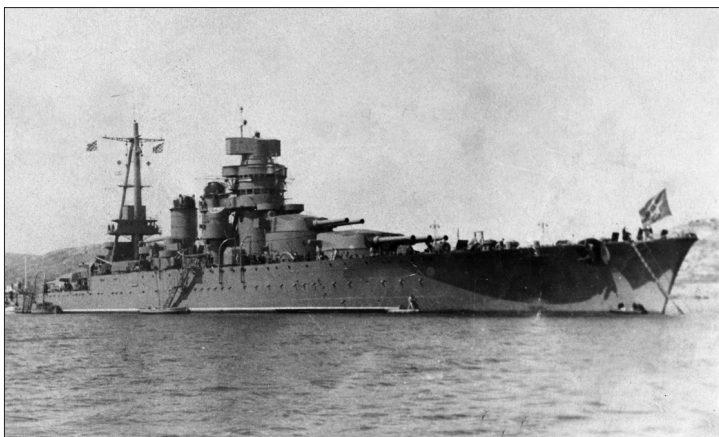
— Ну, как знаешь, тебе видней, — вздохнул отец.

Прошло два дня. Сергей сидел дома, не зная, чем себя занять, на душе было тоскливо. От тяжёлых мыслей отвлék неожиданный звонок в дверь. Отец не спеша засеменил в прихожую. На пороге стоял старый друг и бывший попутчик Сергея Андрей Яковлев.

— Проходи, герой, не стой в дверях. Что в такую рань, или не спится? — пропуская гостя вперёд, спросил отец.

Сергей, услышав шум в прихожей, вышел навстречу приятелю. Обнявшись, они направились в его комнату.

— Что дома сидишь, кукуешь? Такие дела происходят! Революция! На днях я уезжаю на юг с группой товарищей, поручили заняться очисткой портов от затонувших кораблей. Я тебя рекомендовал в команду, дали согласие. Сбываются наши мечты, Серёга! «Кто был никем, тот станет всем!» — лозунг свободного человека, — весело проговорил Андрей.

Линейный корабль «Новороссийск», 1950-е гг.

— Спасибо, что поручился, а то я совсем обленился на домашней койке, — обрадовался Сергей.

Друзья договорились, что завтра утром Андрей зайдёт за Сергеем, и они вместе отправятся в путь.

Но следующее утро принесло неприятный сюрприз. Сергея разбудил звонок в дверь. Открыв её, он увидел переминавшегося с ноги на ногу подавленного Андрея.

— Серёга, ты меня извини, но произошло недоразумение. Тебя пока оставляют в резерве, так что наша с тобой поездка отменяется.

— Как в резерве?! В чём дело? Говори толком! — в запальчивости выкрикнул Сергей.

— В общем, было принято такое коллективное решение. Ввиду того, что ты бывший офицер, решено временно не брать тебя в экспедицию. Я, конечно, голосовал против, так как считаю, что это всего-навсего нелепая ошибка, — скороговоркой выпалил Андрей.

— Ладно, дружище, я тоже думаю, что это ошибка, всё со временем разъяснится, — подбодрил друга Сергей.

После ухода Андрея он заперся в своей комнате, лёг на кровать и долго лежал, глядя в потолок и пытаясь разобраться не только с этим неприятным моментом, но и со всей

своей жизнью. Родители старались не беспокоить его, понимая состояние сына.

А вечером в их квартире появилась «чрезвычайка» и увела Сергея. Больше его никто не видел. Куда? Почему? На эти вопросы ответа не было. Так и пропал «пловец» в горниле революции, как исчезают в морской пучине корабли, хотя корабли иногда находят и поднимают на поверхность...

Пройдёт ещё несколько лет, и в Италии будет создана государственная школа подводных диверсантов, а её основатель, князь Боргези, женится на Даше Олсуфьевой, бывшей любимой девушке капитана Ершова, и всё тот же маэстро Анджелло Беллони, уже старый и глухой, будет обучать новых пловцов-диверсантов. А Андрея Яковлева расстреляют в 1937 году, обвинив в шпионских связях с итальянскими моряками.

Сокровища «Чёрного принца» до сих пор не найдены.

А спустя тридцать с лишним лет, в 1955 году, в Севастополе взорвётся линкор «Новороссийск», в недалёком прошлом итальянский линейный корабль «Джулио Цезаре» (Юлий Цезарь). Существует множество версий по поводу его гибели, и одна из них переплетается с вышеописанными событиями: предположительно, линкор был подорван подводными диверсантами князя Боргези, который поклялся, что гордость итальянского флота, доставшаяся Советскому Союзу в качестве военного трофея, не будет ходить под советским флагом. ■

МИССИС ДЕТЕКТИВ

Евгения Гордиенко

Её часто спрашивали: «Миссис Кристи, вы писали вашу мисс Марпл с себя?» — «Ну, что вы, я на неё совсем не похожа. А появилась она очень просто — я нашла на чердаке в доме одной из моих бабушек старый ридикюль, вытряхнула из него крошки от сладких сухариков, два пенни и полуистлевшие шёлковые кружева — вот вам и мисс Марпл...»

Конечно, великая писательница немного лукавила. Что её точно роднило со своей героиней, так это принадлежность к той викторианской Англии, которая уже не возродится, но навсегда останется в памяти тех, кому посчастливилось родиться и жить в это время...

Викторианская леди

Дейм Агата Мэри Кларисса Миллер родилась 15 сентября 1890 года в типичной викторианской семье: мать постоянно чем-то увлекалась — то новым видом рукоделия, то модной религией, у отца периодически возникали «проблемы», и тогда всей семье приходилось «затягивать пояса», трое детей (у Агаты были старшие брат и сестра — Монти и Мэдж) находились под попечением няни, монументальной, как здание Парламента, и готовившей вкуснейший в мире пудинг.

Агата рано поняла, что настоящая леди должна уметь скрывать свои истинные чувства. Когда ей было лет пять, родители подарили дочери на день рождения щенка. Чтобы скрыть нахлынувшие эмоции, будущая писательница не нашла ничего лучшего, как спрятаться в уборной, и там, прижимая к горевшим щекам руки, повторять про себя:

«У меня есть собака! Настоящая, живая собака!». Примерно в то же время Агата впервые влюбилась. Но, как и положено истинной леди, чувства проявила прямо противоположные — отворачивалась при виде голубоглазого Филиппа, своего кузена, а то и вовсе убегала. Мать как-то сделала ей замечание: «Если тебе Филипп и не нравится, ты всё равно должна быть вежливой!». Агата была страшно довольна, что никто не заметил её настоящих чувств.

Однако скрытность имела и обратную сторону — девушка была очень стеснительной. Даже выступление с музыкальным номером на каком-нибудь концерте превращалось в огромную проблему. Однажды она вообще просто упала в обморок прямо на сцене. Тогда Агата поняла, что публичные выступления не для неё.

Когда девушку стали вывозить в свет (а случилось это в Каире, куда семья вынуждена была переехать после смерти отца, так как денег осталось мало, а жизнь там была намного дешевле), она, симпатичная, образованная и эрудированная, имела успех у кавалеров. Но один из них всё же заметил Клариссе Миллер, матери Агаты: «Вот ваша дочь. Она уже научилась прекрасно танцевать. Теперь хорошо бы научить её говорить».

Но говорить Агата не очень любила, гораздо больше ей нравилось писать. Впрочем, все юные леди тогда увлекались литературой — это было сродни рукоделию. Будущая королева детектива вначале лишь подражала старшей сестре Мэдж, чьи рассказы даже печатали в журналах. Агата отсылала свои рукописи под псевдонимами Мак Миллер и Сидни Уэст, но тогда они не были опубликованы. Это было сделано гораздо позже — в 1924 году. А пока началась Первая мировая война, и занятия литературой временно пришлось прервать.

Миссис Кристи

В отличие от прочих молодых леди, в начале войны спешивших работать медсёстрами, Агата Миллер не упала в обморок на первой же перевязке. Сумев пересилить себя, она присутствовала на сложных операциях, помогая врачам. Параллельно училась на фармацевта и работала в аптеке. Там же она познакомилась с огромным количеством ядов, которые

потом успешно использовала в романах для убийства своих персонажей. Впрочем, и в жизни ей попадались колоритные субъекты, которых не грех было использовать в качестве прототипа. Например, владелец аптеки, где она проходила практику, всегда носил с собой склянку с кураре, а рецепты заполнял с преступной небрежностью. Однажды Агате даже пришлось специально залить их чернилами, чтобы потом самой заполнить правильно...

Но война вовсе не отменяла развлечений. Однажды Агата попала на вечеринку, где было множество офицеров из стоявшего неподалёку гарнизона. Агату увлёк молодой Арчибалд Кристи, служивший в только что созданном Королевском воздушном корпусе. Кто мог быть более романтичным в начале прошлого века, чем пилот? Разумеется, никто! Агата влюбилась, несмотря на то что возлюбленный не блистал отменными манерами, да и денег у него практически не было. Зато были обаяние и напор — уже на третий день знакомства он признался Агате в любви и предложил выйти за него замуж. Она согласилась, хотя была уже обручена с неким правильным и скучным викторианским юношей. Но разве мог он выдержать конкуренцию с бравым пилотом?..

Арчи получал на войне награды и звания, а Агата ухаживала за больными. Виделись влюблённые редко, но даже за эти короткие встречи успевали поссориться как минимум раз пять. Если Арчи говорил «да», мисс Миллер непременно должна была ответить «нет». Словом, это было самое настоящее чувство! Оно же заставило молодых упротить священника обвенчать их не через две недели, как положено, а всего через три дня. Венчание было по-военному скромным и коротким. Мать Агаты, когда молодые приехали к ней в Торки, пришла в ужас от такой поспешности, но поделаться уже ничего не могла...

Во время войны Агата не виделась с мужем по полгода. Свободное время надо было чем-то занять, и она вспомнила о писательстве. Кто знает, что повлияло на выбор жанра? То ли желание уйти от действительности, наполненной больницей, стонами, криками, ежедневным страхом за мужа, находящегося на фронте, то ли внутреннее осознание, что у неё получится. И ведь действительно получилось! Выстраивая хитроумные цепочки мотивов и комбинации преступлений, миссис Кристи

забывала об ужасах реальной жизни. А сюжеты, как она сама говорила, придумывались за мытьём посуды: «Это такое дурацкое занятие, что поневоле приходит мысль об убийстве!» Детективы, героем которых был маленький бельгиец Эркюль Пуаро, издавались под её собственным именем, а романы она писала под псевдонимом Мэри Вестмаккот...

Детектив её жизни

Война, наконец, закончилась, и семья вновь зажила по старым добрым викторианским традициям: Арчи ходил в Сити, Агата писала, а в 1919 году у них родилась дочь Розалинд. Они совершали путешествия, в которые миссис Кристи — теперь жена советника Специальной миссии надзора за колониями — брала и любимого героя своих романов. Миссис Кристи и мсье Пуаро посетили и Гавайи, и Новую Зеландию, ездили на пароходах и поездах и везде распутывали преступления...

Арчибальд Кристи никогда не скрывал, что к литературной деятельности жены относится с пренебрежением. Куда больше его интересовал гольф. Агата даже шутила: «Я вдова гольфа!» Наряду со спортом мистер Кристи интересовался и некой Нэнси Нил. Уж она-то понимала толк в гольфе! Как тут не потребовать развод у Агаты?

Около года миссис Кристи не давала согласия, пытаясь спасти семью. Но поняв, что это не удастся, постаралась, чтобы муж этот развод запомнил на всю жизнь. Известная к тому моменту писательница... исчезла. Прислуга, вернувшись вечером домой, обнаружила распахнутую дверь и отсутствие хозяйки. Полиция искала Агату Кристи больше двух недель, пока не нашла в небольшом доме отдыха, где она исправно ходила на процедуры, никого не помнила и была зарегистрирована под именем любовницы мужа. Была ли это действительно амнезия, или же своеобразный способ досадить мужу, знала только она сама...

Однако этот «детектив её жизни» пошёл на пользу новому роману «Убийство Роджера Экройда». Исчезновение автора — до такой рекламы не додумался бы даже самый хитрый издатель...

Миссис... Археолог?

Газетчики так утомили Агату Кристи, что сбежала она от них аж на Ближний Восток. Впрочем, не только от них. Развод с мужем дался ей тяжело, и она решила посвятить какое-то время путешествиям. Первым средством передвижения стал, разумеется, «Восточный экспресс», где и произошло очередное «убийство». Писательница вообще старалась заимствовать из реальной жизни как можно больше мелких деталей: «Это совершенно неважно. Вот почему это так интересно!» — часто говаривала она...

Летом 1930 года Агата приехала на раскопки Ура — главного города шумерской цивилизации. Туда её пригласили друзья — археологи Леонард и Кэтрин Вулли, любившие гостить в её доме Крессуэл Плейс. Узнав, что Агата заскучала в Лондоне, они решили развлечь её экскурсией по древним местам. В провожатые ей дали Макса Мэллоуэна — молодого учёного, талантливого и способного. Приехав на раскопки, он очень быстро выучил арабский язык, рассчитывался с рабочими, оказывал им медицинскую помощь, а также проводил экскурсии по раскопкам для именитых гостей, которые бывали тут довольно часто. Так что приезд такой известной дамы, как Агата Кристи, не слишком его впечатлил. Он просто старался быть вежливым и услужливым с этой немолодой (старше его на 15 лет) леди. Однако Агата оказалась совсем не такой, какой представлял её Макс. Она шутила, смеялась, быстро схватывала археологические термины и вообще оказалась просто очаровательной. И Макс не замедлил влюбиться!

Как потом вспоминала сама Агата Кристи: «Я была абсолютно естественна, потому что и подумать не могла, что у этого молодого человека появится ко мне какой-то интерес. Если бы я тогда рассматривала его как кандидата в мужа, то была бы настороже».

Оторвавшись от основной группы путешественников, Макс и Агата почувствовали себя гораздо свободнее, тем более что теперь над ними не витал дух Кэтрин Вулли, считавшей Макса своим личным служкой и принимавшей любое внимание к нему со стороны женщин с огромным неудовольствием.

...Позже, уже живя в Лондоне, Макс казался настоящим англичанином: носил твидовый костюм и мягкую шляпу, курил

трубку и увлекался крикетом. На самом же деле английской крови в нём было мало: дедушка его был австрийцем и владел мельницей, отец приехал в Лондон и занялся торговлей маслом, а мать родилась в Париже, в семье инженера и оперной певицы. Макс был старшим из троих сыновей...

...Несмотря на столь быстро растущую симпатию, Агате пришлось уехать — пришла телеграмма о том, что заболела дочь Розалинд. Когда она уже пошла на поправку, Агата послала Макс телеграмму с приглашением приехать в Кресуэлл Плейс, отметив позже, что он «был единственным, кого она приглашала к завтраку». Совместные завтраки пошли на пользу, и в последний вечер своего визита Мэллоуэн предложил ей пожениться. Агата, по её словам, колебалась очень долго и приводила всевозможные аргументы против их брака: и разницу в возрасте, и различное вероисповедание (Макс был католиком, а Кристи принадлежала к англиканской церкви), и возможное несогласие Розалинд. С дочерью как раз решилось проще всего — она лишь потребовала, чтобы Макс привёз ей «две дюжины леденцов из Селфриджа». Почему именно оттуда, девочка уточнять не желала...

С религией было несколько сложнее. Католическая церковь отказывалась признать их брак, и разъярённый Макс оставил свою веру. После такого поступка Агата не могла не согласиться — она поняла, что этот человек действительно её любит.

Венчание состоялось 11 сентября в церкви Святого Колумба в Эдинбурге, после чего молодые отбыли в свадебное путешествие в Италию. Агата специально сделала себе новый паспорт, слегка уменьшив в нём свой возраст, хотя Макс всю жизнь утверждал, что считал жену маленькой девочкой, о которой надо постоянно заботиться, «чтобы она не порвала платье в саду...» Агата же говорила, что ей несказанно повезло стать женой археолога. Ведь «чем старше я становлюсь, тем больший интерес представляю для него как для историка...»

На этот раз увлечения супругов совпадали. Макс с уважением и интересом относился к книгам Агаты (именно в 1930 году Кристи «вывела в свет» мисс Марпл, написав роман «Убийство в доме викария»), а она быстро научилась правильно фотографировать археологические раскопки и стала ездить с мужем

в экспедиции, не забывая «захватить» туда же своих героев. Так Эркюль Пуаро посетил Месопотамию, Сирию и Египет.

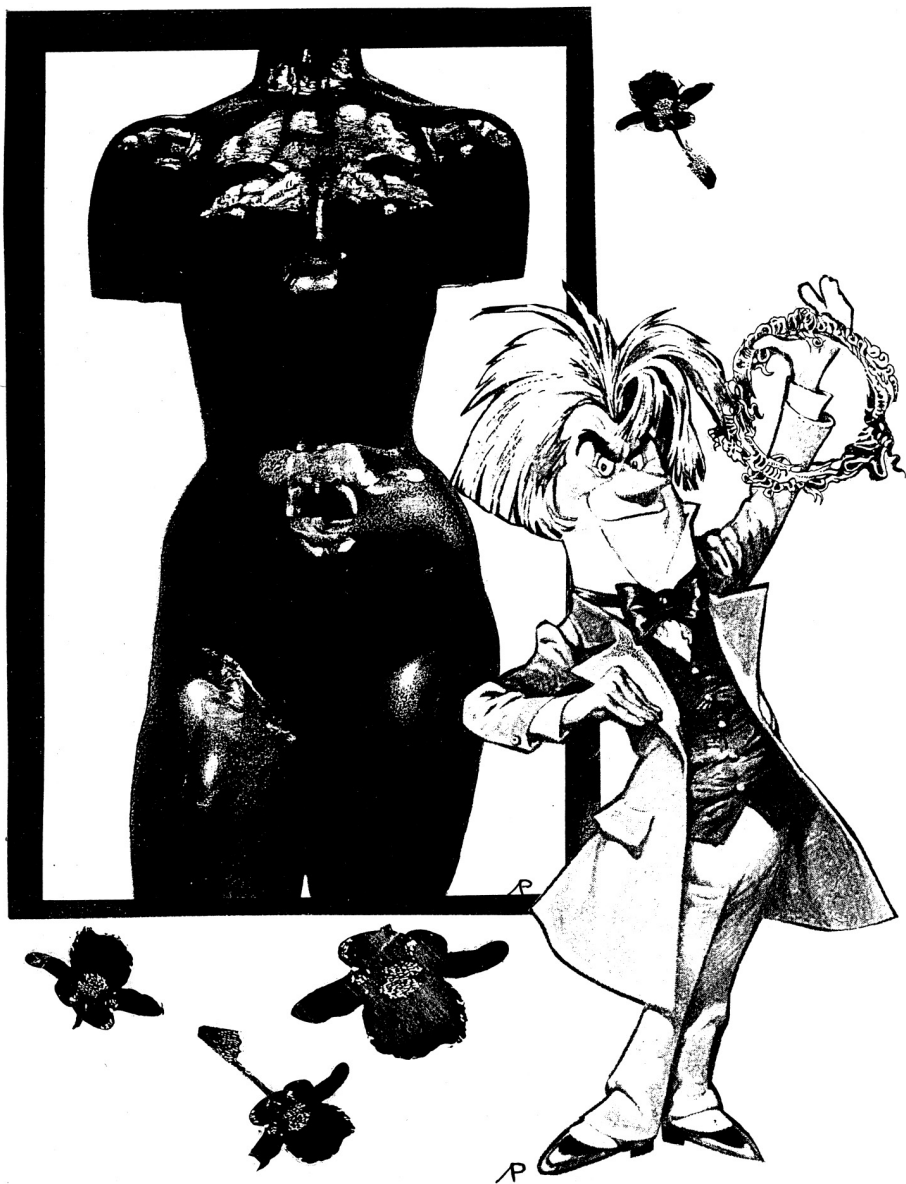
Детей они решили не заводить — им вполне было достаточно друг друга и интересных дел. В королевском историческом обществе Макс был именитым учёным, а Агата — его скромной супругой, в клубе же писателей детективов он был лишь её мужем...

Эскимо для старушки

Последней изданной при жизни Агаты Кристи книгой был «Занавес». Она словно чувствовала, что это реквием, и долго не хотела его публиковать. По сюжету Эркюль Пуаро погибает. После его смерти великой писательнице уже нечего было делать на этом свете...

Она умерла в 1976 году в возрасте 85 лет. После публикации последней книги Агата говорила: «Отныне я живу в долг. Жду в прихожей вызова, который неминуемо последует, после чего я перейду куда-то ещё. Я готова к встрече со смертью...

Я всегда обожала эскимо. Однажды для дорогой старушки будет приготовлено изысканное холодное блюдо, и она уйдёт по ледяной дороге — и больше не вернётся...» ❧

Эдуард О'Рейли

Жена-совершенство

Когда я присел к нему на терраске гостиницы Штокмана, старый прасол оживился.

Некоторое время мы говорили с ним о разных вещах: о коровах, о политике, о Лиге наций, почему современные девушки распускаются, как розы, и до какой распущенности они дойдут, о боге и чёрте и, конечно, о запрещении продажи спиртных напитков. Стоит только заговорить о выпивке, как старик не знает удержу и несётся, закусив удила, по кочкам и пням своих приятнейших пьяных воспоминаний.

Я прервал его монолог при виде странной фигуры, враскачку шествовавшей по улице. Длинный, худой, с руками и ногами, явно потерявшими природные шарниры и забывшими, что такое ритм, этот субъект выглядел человеком, тщетно пытающимся поймать курицу за загородкой. Однако не только его фигура привлекала внимание.

Он был одет — нет, облачён — во всё чёрное, в этакий длиннополый сюртук, который носят провинциальные фокусники, южные депутаты и бродячие проповедники. Вокруг руки повязана траурная креповая лента, а на голове красовалась невообразимая старинная четырёхфутовая труба, на которой

бывший когда-то честный шёлковый ворс ещё силился бороться с прочими отложениями природы. Тулья цилиндра была обмотана светлым шарфиком в синий и жёлтый горошек.

Но даже не траурная одежда была самым занятым в его наружности. В руке он держал огромный букет из белых лилий и энергично отбивал им такт, весело насвистывая на ходу рэгтайм. Похоронный цилиндр лихо сдвинулся на левый глаз, а левая рука горделиво пряталась за пазуху, иногда лишь вылезал большой палец и игриво помахивал в такт мотиву.

Сюртук и повязка, без сомнения, означали скорбь, но ловкое подражание саксофону, кокетливый цилиндр и весёлая походка свидетельствовали об иных настроениях, во всяком случае, не о печали.

Оригинал поравнялся с нами и остановился, покачиваясь на панели. Размахивая букетом, он весело крикнул:

— Алло, старый конокрад! — сдвинув цилиндр на правый глаз и заложив свободную руку за жилет, принял наполеоновскую позу, оттопырил руку с букетом и провозгласил: — Ходить воспрещается! — потом опять засвистел, взмахнул букетом и развинченной походкой поплёлся дальше.

Прежде чем я успел обратиться к прасолу с вопросом, старик уже набрал полные лёгкие воздуха и проговорил:

— Это наш уважаемый гражданин, Джефф Калхун. Единственный человек, о котором говорят, что он удачно разрешил супружескую проблему. У него единственная совершенная жена во всём мире.

— Неужели он женат? — недоумённо спросил я. — Это, правда, несколько объясняет его траурное одеяние, но откуда тогда столь необузданная весёлость? Тут какая-то тайна. Объясните.

— Итак, начнём с самого начала, — красноречиво заговорил прасол. — Я давно знаю старого Джеффа. Он стал работать на ферме лет двадцать назад и даже выдержал какой-то экзамен. Затем осел в Тондо-Сити и зажил хорошо. Ребята его одобряли, потому что Джефф не был тем, кого вы обычно называете глубокомысленным человеком. — Ни тяги к путешествиям, ни разговоров с интересными людьми, которые так любит ваш покорный слуга, к тому же слишком наивен.

Тем не менее он считался одним из солиднейших граждан сего города; можно сказать, принадлежал к породе городских столпов. А потом вдруг совершил ошибку, одну из тех непростительных

ошибок, которую совершают самые осторожные люди, — женился. Женился на женщине.

Понимаете?

Вот, значит, как. Есть женщины и женщины, но Джеффова жена — это чудо из чудес, нечто вроде цыплёнка, который стал бы драться через пятнадцать минут после появления на свет. Это была прирождённая командирша, нипочём не принимала никаких возражений и доводов. «Нет» для неё не существовало. Как у неё хватило выдержки, чтобы притворяться сентиментальной до самого алтаря, — это выше моего понимания.

Не понадобилось и нескольких месяцев женатой жизни, чтобы он оставил все предвзятые мнения о мужском величии. Система была проста. Всё, что он делал до сих пор, было плохо, мерзко, отвратительно, и она принялась переделывать его на свой лад. Насколько я мог судить со стороны, образцовый супруг представлялся ей чем-то вроде кролика. Джефф превратился в нечто такое, от чего человека тошнило при одном взгляде. Независимости у него осталось не больше, чем у червяка на крючке.

Все мы очень болели душой за него (можно ли обратиться в такую слякоть?), но вмешиваться не решались. Ведь ещё в Библии, кажется, сказано, что миротворцу — первая палка.

Однажды летом мистрис Калхун решила навестить своих родственников в Оклахоме. Джефф пошебаршил маленько, зная, что это вернейший способ заставить её сделать по-своему.

Я был на станции, когда она уезжала. На прощанье она пронзила его последним колючим взглядом, как удав лягушку, потом вошла в вагон, и поезд отчалил. Джефф покорно стоял и махал рукой, пока поезд не скрылся за поворотом, потом повернулся, завопил благим матом, вышиб окно и был таков. На следующий день он превратился в отчаянного, оголтелого разбойника. Весь город ходил за ним затаив дыхание, ожидая, что он выкинет в следующий раз.

Так всегда бывает, когда забитый муж превращается в дикаря каменного века и слишком перебарщивает... Некоторые парни из очкастых учёных высчитали, что это, мол, эффект настойчивых идей или комплекс какой-то, но у Джеффа это был не столько комплекс, сколько контрабандный коньячишко.

Однажды в городе появилась ужасная новость о том, что стряслось в Оклахоме. Один из очередных циклонов вприпрыжку перебежал через степь и начисто слизнул город, где гостила

Джеффова половина. Городишки как не бывало, циклон передал кучу народа и доставил уйму забот дамам-благотворительницам.

Узнав об этой истории, Джефф расхныкался и послал телеграмму с запросом о жене. Ответ пришёл быстро: её тело обнаружено среди погибших, и спасательный комитет будет ему весьма благодарен, если он заберёт то, что осталось от его супруги.

Джефф не колеблясь сделал всё как надо: телеграфировал комитету, чтобы её погрузили и отправили малой скоростью, а он, мол, погребёт её уж сам, на свои средства.

Так всё и произошло, и Джефф состряпал своей бывшей половине знаменитые похороны. На могиле поставил огромный булыжник с упоминанием её имени и отдельными фактами её биографии. На мой взгляд, это была излишняя чувствительность.

Мы с ним вместе всплакнули, а потом свели его в бар, где он и занял по праву почётное место в ряду лучших игроков в покер к западу от Пекос. Скоро Джефф пришёл в обычное состояние духа, но потом мы заметили в нём перемену к худшему: он стал носить чистый костюм, немилосердно тесные ботинки и галстуки, оскорблявшие наши честные глаза. Другая женщина положила на него своё тавро, и у него оставалось шансов на спасение не больше, чем у арбуза, попавшего в руки мальчишки.

Мы все старались вразумить его, издевались и всячески поносили, зывали к голосу благоразумия, но безрезультатно. Когда человеку попадёт вожжа под хвост, которая называется комплексом, чёрт его не проймёт. Коли женщина наметила себе мужа, все силы ада не своротят её с намеченного пути.

Женщиной в данном случае оказалась мисс Лулу Саллинг, модистка, торговавшая в своей лавочке шляпками, бантиками, интимными дамскими делами и прочей ерундой. Так что ей было всё равно — скандал так скандал.

Блондинка с проникновенными глазами хотя и находилась уже по ту, задумчивую, сторону 35-летнего возраста, тем не менее сохранила гибкую фигуру модной девчонки с востока. Она была знакома со всеми соблазнами Нью-Йорка, судя по товарам в её лавке, где всегда стадами толпились женщины всего Тондо-Сити и его окрестностей.

Что называется, бой-баба, или, как вы говорите, деловая женщина, мисс Лулу могла организовать всё что угодно в этом дурацком мире: была председателем женского клуба, секретарём

лиги стопроцентных баптистов, председательницей и главной лекторшей клуба попечителей выдающихся писателей и главным заправилкой в ассоциации свободных женщин.

Ей на роду было написано всегда что-нибудь да устраивать. Понятное дело, Джефф был у неё в руках, как шкурка в руках скорняка. Она подбила его купить шарабан, заставила пристроить к нему шторы и вовремя сумела склонить голову ему на плечо — так что, когда он немного очухался, на нём уже висела пломба, а в газетах было объявлено о помолвке.

Мисс Лулу притащила его к пастору, и первое, что он узнал, это то, что он самый обыкновенный муж с правом совещательного голоса при супруге, по всем данным играющей роль директора-распорядителя. Опять он стал последней затычкой в собственном доме, и старые друзья сказали ему последнее «прости».

Всё-таки мисс Лулу была помягче его первой жены, но результаты оказались те же. Она обставила лучшую комнату мягкой мебелью, назвала её своим будуаром и не позволяла Джеффу курить, говоря, что от табака могут сдохнуть золотые рыбки в банке. Более того, она заставила его носить смокинг во время сенокоса, а по утрам ходить в розовом купальном халате, коротком и бесстыжем.

Но из всех её недостойных издевательств самым гнусным было то, что она требовала от Джеффа произносить сочинённые ею речи. Даже мармон-многоженец обалдел бы, услышав, как Джефф надрыгается перед собранием покатывающих женщин. Я как сейчас слышу его голос:

— Женщины нашей страны должны занять то место, которое принадлежит им по праву. Неужели вы так и хотите остаться забавой в жестоких руках мужчин? Ведь вы сами внушили мужчине это глупое чувство превосходства, — и далее в том же духе.

И она вынуждала Джеффа выучивать эти речи наизусть. Срамота!

Однажды он сказал мне:

— В качестве специалиста по женскому вопросу, сознаюсь, я провалился. У каждой моей жены была своя система: одна меня запугивала, другая теперь заговаривает. Я так же много значу в доме и так же могу распоряжаться собой, как коровье копыто.

Я настолько сочувствовал ему, что однажды даже рискнул зайти к нему пообедать. Мисс Лулу, в сущности, никогда не бросала в людей утюгами, но ходить туда было, однако, небезопасно.

Ну-с, пошёл я к ним, и в моём-то присутствии разыгралась эта диковинная история.

Мы уже стали садиться за стол, как вдруг отворяется дверь, и входит первая Джеффо́ва жена.

Мы так и остались сидеть, разинув рты, точно увидели привидение. Но это было не привидение, отнюдь нет! Она поставила на пол свой чемодан и сказала:

— Ну, вот я и вернулась, — а потом ещё добавила: — А что это за женщина в моём доме?

Мисс Лулу обратилась к Джеффу со словами:

— Джефферсон, выведи эту особу! Вы поговорите с нею в другой раз.

Увидя такие дела, я схватил свою шапку и пустился наутёк самым крупным галопом, слыша за спиной, как ревут и голосят обе женщины, а Джефф хнычет и молит о пощаде, как свинья пред лицом мясника.

Подробности о «воскресении Лазаря» я узнал значительно позже. Видите ли, первая жена Джеффа вовсе и не померла. Говорят, что циклон её подхватил и шмякнул на крышу дома, или что-то в этом роде, и она пришла в себя только в госпитале. Поправлялась медленно, и всё у неё в голове перепуталось: она не помнила ни своего имени, ничего. Ещё один случай комплекса.

Спасательный комитет ничего не мог с ней поделать: забыла всё женщина, и баста. А тут кто-то, как на грех, опознал в одной из погибших Джеффову жену. Ему поверили на слово и отправили её Джеффу наложенным платежом.

Так вот и получилось, что первая мистрис Калхун провела несколько месяцев, не зная, кто она такая, а Джефф нехотя учинил двоежёнство, вступив в брак с мисс Лулу.

Жена номер один стала поправляться, но медленно, и пришла в себя только тогда, когда кто-то из знакомых узнал её и напомнил ей, кто она такая. К ней вернулась память, а услышав, что Джефф женился во второй раз на модистке, она взбесилась, как мокрая кошка, и окончательно пришла в себя. С налитыми кровью глазами уселась в первый же поезд до Тондо-Сити и прибыла, как говорят газеты, в любовное гнёздышко Джеффа, именно так, как я вам говорю.

Так вот и очутился Джефф с двумя жёнами на руках. И какими жёнами — самыми воинственными во всём Техасе!

Жена номер один заняла комнату справа, жена номер два — другую комнату, слева, а Джефф вертелся между ними, как щепка в проруби. Несколько дней из дома доносились крики и шум борьбы. Весь город шибко интересовался этим делом и разделился на два лагеря: одни утверждали, что жена номер один выживет вторую, другие — что, наоборот, Лулу сумеет всё устроить как нельзя лучше.

Через некоторое время жёны увидели, что ни одна не собирается ни уступить, ни уйти. И обе напустились на Джеффа. Что пережил этот человек, страшно подумать! Безвыходное положение, что и говорить...

Однажды он зашёл ко мне в контору с видом телёнка, страдающего зубной болью, запер дверь и мешком упал в кресло.

— Надо что-то предпринять, — прошептал бедняга, дрожа, как в лихорадке. — Посылай за судьёй Одомом.

Вы знаете судью Одома? Хороший стряпчий, и вид у него весьма достойный, внушающий доверие, одна только у него слабость — очень уж учён, настолько, что даже скучно. Ну-с, пришёл судья, мы забаррикадировали дверь и сели.

— Судья, имейте в виду, что полумеры тут ни к чему, — заявил Джефф. — Дело такое, что все честные мужчины должны сплотиться и требовать справедливости. А если всё будет продолжаться, как теперь, то хроника города украсится жутким убийством или колоссальным скандалом. Моя первая жена — это не женщина, а дредноут, поднявший боевые флаги. Она требует, чтобы я выбросил Лулу, а её признал своей единственной законной женой. Если я не соглашусь, она грозит стать вдовой. А мистрис Лулу заявляет, что женилась на мне, то есть я на ней... словом, мы женаты самым законным образом, и со стороны моей первой жены весьма нетактично и некультурно вылезать из могилы. Она упёрлась на своём — и ни в какую. Обе женщины тверды, как булыжник, и непоколебимы в своих решениях, как гора Пайк. Боже мой! Почему из пяти-десяти миллионов женщин, живущих в Штатах, мне попалась такая пара?!

Мы немного посоветовались, и судья Одом, надев очки, сказал:

— Джефф, подойдя к вопросу так, как он стоит перед нами, мы должны кон-ста-ти-ро-вать факт, что вы учинили би-га-ми-ю (двоежёнство, стало быть). Это является проступком в глазах закона. Но закон, — тут он поднял палец, — вникает

всегда в корень вещей, в намерения преступника, и я так полагаю, что вы это сотворили невольно, стало быть, без особой

ко-ры-стной це-ли. Можно далее сказать, что она двугамия, или биженство, — случайное происшествие.

Выходит, этот вопрос вы один только и можете разрешить. С одной стороны посмотреть — вы имеете первую жену. С другой стороны взглянуть — имеете вторую. Ежели хотите продолжать своё брачное сожителство с первой женой, вы должны лишиться своей поддержки мистрис Лулу. Если наоборот, вам желательно остаться в существующих отношениях со второй женой, вы должны получить развод от первой жены и жениться вторично на вашей второй жене, после получения развода от первой. Ясно?

— Выходит, что я должен выбрать себе одну из них и выкинуть другую, — тоскливо проговорил Джефф. — А нет тут никаких третьих путей?

— Нет, — заявил судья. — Вы можете и должны решать сами. Нет такого закона, который принуждал бы человека к нежелательному браку, скорее даже совсем напротив.

Джефф сидел, положи ноги на стол, и тяжело думал, пока у него не стала щёлкать челюсть, а в глазах появилось такое, что и сказать неловко.

— Ежели тут нет никаких выходов, я решу по-своему, — сказал наконец он и стукнул кулаком по столу. — Судья, прошу вас подготовить две дарственные бумажки: одну на дом, на имя мистрис Лулу, другую — на мою ферму к западу от города, на имя первой мистрис.

Судья тут же накатал обе грамоты. Джефф положил их в карман и сказал нам:

— А теперь, ребята, коли вы мои друзья и настоящие мужчины, пойдёте со мной и будете свидетелями.

Мы не могли отказать старому Джеффу, свернулись и пошли с ним: судья — в качестве советчика по грязным делам, я — в роли телохранителя. Когда мы пришли, обе жены были дома.

— Ступайте в столовую! — рявкнул на них Джефф, и они, потрясённые, повиновались.

Джефф будто преобразился. Глаза у него стали дикие, налились кровью, и выглядел он, как загнанный волк. Когда такой робкий человек, как он, замышляет военные операции, это жуткая штука — вроде кролика, вступающего в бой с бульдогом.

Джефф сел и вытащил из кармана грамоты.

— Здесь, — сказал он, передавая одну грамоту Лулу, — дарственная на этот дом, он ваш, — первая мистрис подпрыгнула

и хотела было вступить в бой, но Джефф повернулся к ней и взвизгнул: — Заткнись и сиди спокойно! — он протянул ей другую бумагу и сказал: — Это дарственная на ферму. Она ваша, — потом поднялся, надел шляпу и заметил: — Теперь с вами покончено. Обе вы того стоите. Знайте, женщины, теперь я вас обоих больше видеть не хочу.

Обе женщины начали говорить одновременно, но судья Одом остановил их движением руки и обратился к Джеффу:

— Мистер Калхун, это очень великодушный акт с вашей стороны, но он не разрешает главного вопроса. Вы должны решить, какую из этих женщин вы признаёте своей законной супругой?

— Ни ту ни другую, — спокойно заявил Джефф.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился судья.

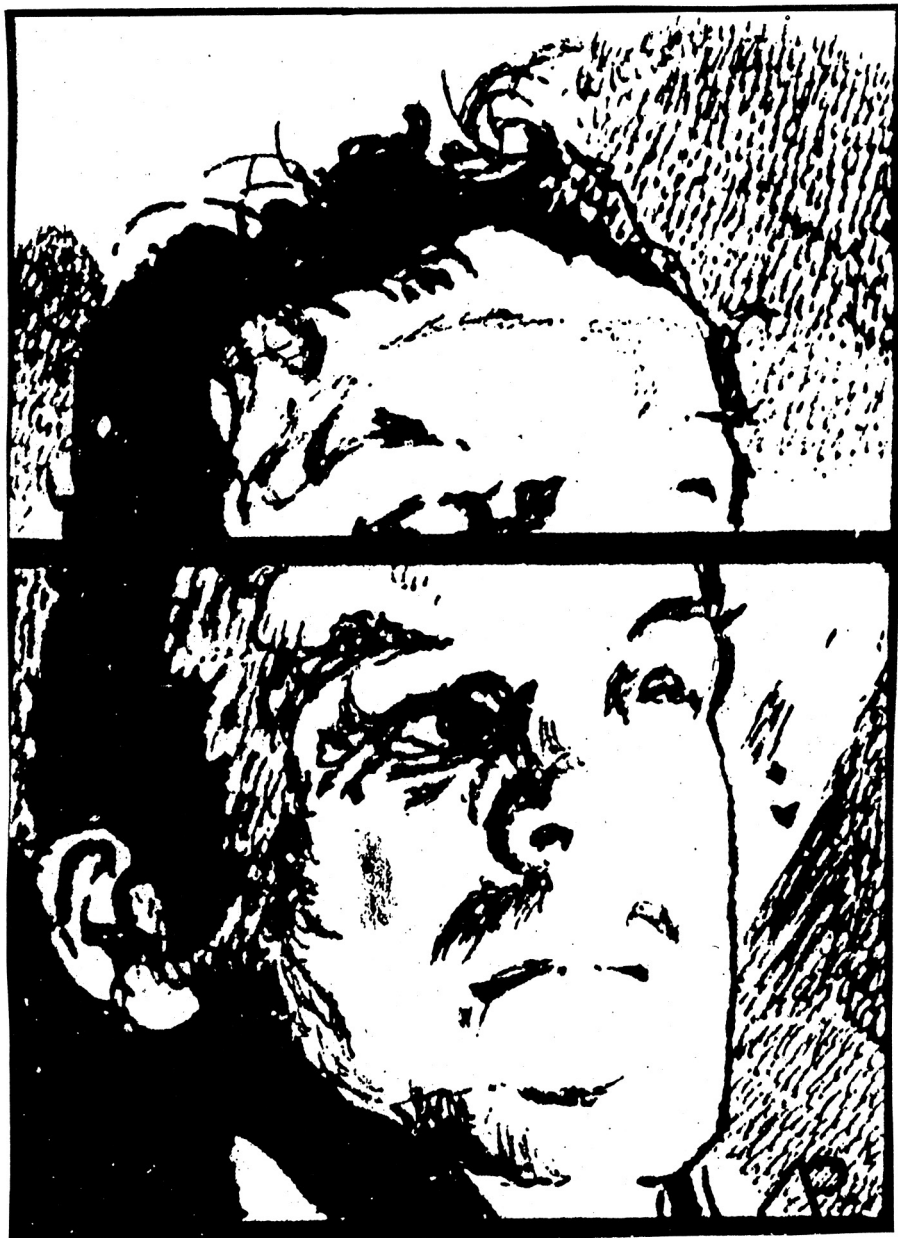
— Я хочу сказать... Я... Вот что! — прогремел Джефф, тыча перстами в обеих женщин. — Единственная жена, которую я признаю, — на кладбище. Это единственная моя законная жена, и её памяти я буду верен всегда. Теперь я отряхну прах от своих копыт и пойду оплакивать её! — и он направился к двери. — А вы обе можете проваливать ко всем чертям! Теперь вы не более как жертвы случайного двоежёнства. Вот-с.

Джефф вышел из дому и направился напрямёхонько на кладбище, сел на могилу и долго выл, вызывая всеобщее сочувствие. А после обеда вернулся в отель, купил самую большую сигару и засел за карты. Старый Джефф снова стал человеком.

Теперь его уже не свернёшь с выбранной позиции — он признаёт только ту жену, что похоронил после циклона.

Он всё плакал и стонал на кладбище, пока все не перестали удивляться. Никогда в жизни я не видел человека, который бы так весело горевал. Как только к нему подкатывалась одна из жён, он брал букет и устремлялся на кладбище. Под конец жёны потеряли всякую надежду, и первая мистрис развелась с ним и поселилась на ферме, а вторая развелась, получила дом и опять стала наворачивать свои шляпки. Говорят, она совсем разочаровалась в мужчинах.

А Джефф — счастливейший человек в городе. Наконец-то он нашёл идеальную жену. И теперь торжественно клянётся, что единственная её слабость состоит в том, что после свидания с ней обязательно требуется некоторое возлияние. ☞

Наталья Солдатова

Вкус золота

ГЛАВА 16

Тайник открывается со скрипом

Что делать? Этот вопрос волновал нас сейчас в самом глобальном смысле. Перед нами — наверняка Шурочка, которую разыскивает милиция, и мы обязаны сообщить о ней стражам правопорядка. Но если мы это сделаем, тогда прощай все тайны, связанные с её пребыванием в деревне Малое Евсейково! А ведь там как-никак убиты сразу два человека!

По дороге в деревню мы веселились, рассказывали друг другу забавные истории, пели и, словно сговорившись, ни разу не обмолвились о краже и убийствах. При этом всюду следили за нашей заказчицей Шурочкой, «перелицевавшей» в Жанну Петровну. Мы решили пока оставить за ней это новое имя. Золото-то у неё украли. А интересно, где она прячет алмазы? Те, что исчезли со стола генерального директора предприятия, готовящегося к разработке новой алмазной трубки? И смерть двух женщин в деревне... Кто знает,

не её ли рук дело? Возможно, убитая старуха что-то узнала о новой соседке, ведь мир тесен, да ещё как!

Наконец мы подъехали к шикарному дому Жанны, вошли в квартиру, устроились в гостиной на диване и только сейчас поняли, как безумно устали! Пока хозяйка хлопотала на кухне, просто сидели молча, даже не шевелясь. Между тем близился вечер, и Жанна Петровна позвала нас в кухню, предложив нехитрый ужин. Мы не отказались, а после ужина, немного отдохнув, отправились осматривать местность. Жанна, естественно, пошла вместе с нами, чтобы показать, где происходили трагические события.

Остро пахло скошенной травой, сушившейся прямо вдоль дороги. Деревня дышала покоем, и я подумала: а ведь труп Дины так и не обнаружили, и никто не заявил о пропаже девушки. Да и кому заявлять?

Мы со всех сторон обошли дом Манефы, затем — избу Дины, решив, когда стемнеет, проникнуть внутрь обоих жилищ, а потом отправились к реке. Уже стали спускаться вниз, как вдруг услышали откуда-то сверху мужской голос:

— Жанна Петровна! Жанна Петровна! Зайдите ко мне!

Жанна помахала рукой невидимому человеку и объяснила, что её зовёт пчеловод Николай Павлович, у которого она хочет купить несколько пчелосемей, чтобы создать свою пасеку. Мы тут же заявили, что не прочь познакомиться с милейшим Николаем Павловичем, и она потащила нас вверх, к его дому. Пчеловод ждал у крыльца и сразу повёл нас в сад, где уже чувствовались признаки приближающейся осени.

— Я чего вас зову-то, Жанна Петровна! Опять тепло стало, словно лето возвращается. Вот я и подумал, что вы успели бы пчёлку на зиму устроить. Если, конечно, не передумали...

— Не передумала, Николай Павлович. Но мне сейчас не до этого. Деньги у меня в доме пропали. И кое-что из... золота. В погребе прятала...

— Вот оно что! А Дина чего говорит? Не видала, кто это сделал?

— Да ведь нет её. Исчезла. А я, скажу вам честно, во сне её мёртвой видала...

— Ну, значит, живёхонька! Может, заказ какой в город уехала выполнять. А вы, если действительно будете свою пасеку

обустроить, так хоть частями у меня всё нужное покупали бы. Дина, вот, уже кое-что купила. Она тоже собирается улья у себя поставить...

— И... что же она у вас купила, Николай Павлович? — волнуясь, спросила Жанна.

— Вошину!

— Но вы мне никогда не говорили, что Дина хочет завести пасеку! — обиженно проговорила Жанна.

— Так ведь я думал, что вы между собой об этом не раз беседовали. Соседи же...

— Да нет, как-то не пришлось...

Валентина взяла в руки вошину и стала внимательно её рассматривать.

— Николай Павлович, а она что, действительно из чистого воска сделана?

— Конечно! Иначе и быть не может.

— И где вы её берёте?

— В городе. В конторе пчеловодства, там у них есть магазин.

Но постороннему человеку эту вошину не продадут. Потребуется справка о сдаче воска. Вот если вы воск туда сдавали...

— А вы сдаёте?

— Как же! Конечно. У меня внуки эти соты жуют как жвачку...

— Дина, наверное, тоже ничего не знает о вошине. Держу пари, что она просила вас продать не вошину, а просто воск. Ведь так?

— Надо же! Откуда вы знаете? Она вам об этом говорила?

— Нет, но я догадалась!

— Я ей разъяснил, что пчёлкам надо, и она купила вошину.

Да и не было у меня воска. И теперь нет. Откуда ему за несколько дней появиться?

Мы шли от Николая Павловича с тягостным чувством — всё вокруг казалось серым и мрачным. У нас с Валеёй не раз так было — и солнышко сияло, и птицы щебетали, и дети вокруг играли и смеялись, а нам казалось, что вокруг одни чёрные тучи. Это когда мы брались за сложное дело, заходили в тупик и не могли сдвинуться ни на шаг...

Ночь надвинулась внезапно, и мы, захваченные перспективой проникновения в чужие жилища, совершенно забыли о том,

чтобы снять где-то комнату. Да и надобность в этом, кажется, отпала, ведь нам предстояла долгая работа.

Начать мы решили с Манефиного дома, чернеющего напротив. Решение это было принято только потому, что наша Жанна Петровна упиралась как коза, доказывая, что старуху никто не убивал, она сама опоилась своим лекарством, и вообще нечего тратить на неё время. Вот потому мы туда и пошли, объяснив, что в нашем деле необходимо быть последовательными и во всём убеждать самим. Ей пришлось подчиниться. Дом Манефы оказался заперт. В него можно было проникнуть через пристройку для скотины, но Валя «поколдовала» одной из своих железочек, и замок подался. Мы вошли в сени и включили свои фонарики. Ничего особенного там мы не обнаружили. И немудрено, ведь здесь уже поработала милиция, правда, со слов Жанны Петровны мы знали, что стражи порядка тоже ничего не нашли. Оставив нас в сенях, Валя быстро прошлась по всему дому, вернулась и ещё раз, буквально сантиметр за сантиметром, осмотрела пол. Старые половицы скрипели под её ногами. Она хотела приподнять одну из досок, однако сделать это мешали плинтусы, еле державшиеся на старых гвоздях. Мы быстро избавили от них доски, и Валя отодвинула одну. Открылся земляной пол, усеянный какими-то серыми горошинками. Подруга достала одну из них. Это оказалась таблетка. Она отправилась в специальный пакетик, туда же последовали и остальные «горошинки» вместе с налипшей на них грязью. Мне тоже удалось внести свой вклад в сбор улик — на дощатой стене я обнаружила какую-то шёлковую тряпку и подала её Валентине. Моя улика была розовой и рваной.

— Пойдите! — вдруг прошептала Жанна Петровна. — Это же шарфик!

— Ваш? — спросила я.

— Почему мой? Это шарфик Дины! Она часто его носила. Смотрите, а ведь он весь рваный... Боже мой! Может, её убили здесь, а потом перенесли тело в её дом, а?

— А вы не помните, Жанна Петровна, на Дине был этот шарфик, когда она решила проведать Манефу? — внимательно посмотрела на неё Валентина.

— Да, кажется, был... Сейчас не помню. И вообще, какое это имеет значение? Ведь Дину-то убили не тогда, а позже...

Я пока не понимала, куда клонит моя подруга, но то, что она уже пришла к какому-то важному выводу, было ясно как день.

Наконец мы перестали топтаться в сенях и вошли в комнату. Осмотрели всё, что здесь находилось, уделив особое внимание лекарствам, лежащим на подоконнике. Одна упаковка была пуста... В углу стоял комод, и его верхние ящики использовались для хранения документов. Здесь лежали трудовая книжка Манефы, квитанции об оплате за электричество и газ, почётные грамоты за трудовые достижения в уборке льна, картофеля, а одна грамота свидетельствовала, что в молодости Манефа успешно осваивала целинные и залежные земли. В глубине ящика поблёскивали медали «Ветеран труда» и «За освоение целинных земель». Вот и всё. Вся история жизни. И печальный итог. Мне стало невыразимо горько. Я села в уголке — слишком давила мысль о бренности нашего существования. А Валентина от комода перешла к кровати. Отогнув матрац, она вдруг ойкнула, а Жанна подскочила как ужаленная и подбежала к ней посмотреть на находку.

— Да так, записи какие-то, — небрежно бросила Валентина, вытащила обыкновенную школьную тетрадку и стала её листать. Оттуда выпала самодельная шариковая ручка — стержень, обмотанный бумагой и перевязанный нитками. Выходит, старушка что-то писала перед сном... Валентина, конечно, уже знала, что именно, а мы — нет. Мне, честно говоря, было уже всё равно, хотелось поскорее отсюда уйти, а вот Жанна Петровна готова была змейкой обвиться вокруг Вали, чтобы заглянуть в тетрадку.

— А ведь тут, Жанна Петровна, и про вас есть, — вдруг сказала Валентина. — Вот, читайте! «Новая владелица Ратникова нос воротит. Родителей своих сейчас не помнят, не то что знакомых! Я уж и так и сяк ей на глаза. Не замечает! Решила позвать и сказать».

— Хм, странно... Фамилия-то моя Ратникова, но ведь это по мужу. Что-то она перепутала... Немудрено — старость...

— Может быть, может быть, — пробормотала Валентина, продолжая изучать этот «опус». — Только я думаю, что в доме должна быть не одна такая тетрадка. А мы почему-то нашли только одну...

— А вы за иконами поищите. Вон за той, большой, — посоветовала я. — Старые люди всегда там прячут что-то ценное для себя.

Валя подставила табуретку, залезла на неё и внимательно осмотрела пространство за иконами.

— А ведь тут лежало нечто, по форме напоминающее тетрадь, — сказала она.

— Может, эта самая тетрадь и была? — мгновенно спросила Жанна Петровна.

— Не думаю... Кругом пыль, а на этом месте — прямоугольник с неровными краями, сами посмотрите. Похоже, что тут лежал свёрток. А вот в нём, вполне возможно, тетради. Ладно, пора перейти к фотографиям. А то уже второй час ночи, а мы всё топчемся на одном месте...

Снимки мы обследовали тщательно. Нашли и фотографии молодой Манефы, сделанные на целине, о чём свидетельствовали плакаты, на фоне которых выстраивались снимающиеся. А недалеко от Манефы, в той же группе, мы увидели женщину, как две капли воды похожую на Жанну Петровну, и сразу же ей об этом сказали.

— Ничего себе сыщики! Мне что, по-вашему, семьдесят лет?

— Вам-то нет, но, видимо, вы очень похожи на свою мать.

А здесь именно она и сфотографирована. И почему вы от неё отрекаетесь, непонятно.

Тут Валя перевернула снимок, и мы увидели перечень имён и фамилий всех, кто был там изображён. Дошли и до этой женщины и стоящего рядом мужчины. Это были Ратниковы — Нина и Григорий. Жанна Петровна напряжённо молчала. Обрадованная тем, что она не Огневая, а всего лишь Ратникова, я решила немного облегчить её участь — участь Шурочки, и потому тихо сказала:

— Конечно, это не ваши родители. Ведь вы Жанна Петровна, а здесь Григорий... Вот если бы вы были не Жанна Петровна, а Александра Григорьевна, например...

Жанна уронила свой фонарик и дрожащим голосом спросила:

— Александра... что, что вы сказали?

— Вы прекрасно слышали. Но это я просто так, импровизирую, знаете ли...

Валентина не проронила ни слова. Она прислушивалась к шагам за окном. Шаги были мужские. Мы быстро погасили фонарики и тихо вышли из дома, неся в пакете тетрадь, фотографию, порванный шарфик и грязные таблетки. И сразу попали в объятия наших друзей оперов. Это оказались Женя Сорокин и Дима Свинцов, которого в управлении называли пулей, и не только из-за фамилии — он обладал необыкновенно быстрой реакцией.

— В соседнем доме пусто, — доложили они нам. — Мы там уже побывали.

— Вы нашли воск? — спросила Валентина.

— Да, приличный комок... Он лежит в чулане. Но откуда тебе это известно? — удивился Женя.

— Есть одно предположение. Я должна сама там побывать! Вместе с нашей... клиенткой-пациенткой. Идёт?

— Бежит! — улыбнулся Сорокин. — Я и двери не запираю. Оставил всё как есть.

Мы позвали Жанну Петровну, сказали, что идём осматривать дом Дины и что её присутствие там крайне необходимо, чтобы показать, где она видела труп, когда и как на неё напали и так далее.

Когда подошли к дому, нас ждал неожиданный сюрприз — дверь оказалась заперта!

— Метаморфоза, — прошептал Сорокин. — Она же не могла запереться сама...

— Естественно! Её заперли. Попробуем просто постучать, — и Валентина несколько раз стукнула кулаком по двери. Ответом была гробовая тишина. — Когда нас не хотят пускать в дверь...

— То мы входим через окно! — продолжил Сорокин.

— То мы её вышибаем, — хмыкнул Свинцов.

— Нет, лучше я её открою, — предложил Женя.

— И приготовьте оружие, — посоветовала Валентина.

— А оно у нас всегда наготове!

Жанна Петровна ёжилась и жалась ко мне. Пожалуй, она только сейчас осознала, насколько опасно всё, что мы делаем. Ведь кому-то надо быть в доме, чтобы запереть дверь! И не исключено, что этот кто-то пальнёт сейчас по нашим головам...

Дверь открыли. Тишина. Мужчины попросили нас постоять в сенях, а сами отправились на разведку. Валентина хотела ринуться за ними, но я удержала её.

— Никого, — через пару минут вырос на пороге Женя. — И погреб проверен. Сейчас Дима чердаком занимается. Так что подождите ещё немного.

Вскоре Дима действительно присоединился к нам и сообщил, что на чердаке всё чисто.

Наконец все мы направились в комнату Дины. Фонарь у Сорокина был такой мощный, что ни у кого не возникло желания включить свет. Жанна Петровна показала, где лежало тело Дины... Валя опустилась на колени и исследовала там каждую доску, но безрезультатно. Правда, она что-то соскребла с половицы маленьким ножичком...

— На столе ничего не стояло! — вскрикнула вдруг Жанна. — А сейчас там чашка! Смотрите! А это... Боже мой! Это! Я... я не могу... — и она указала на клочок белого ситца с голубыми цветочками, выглядывавшего из-под подушки. Кровать, кстати, была аккуратно застелена. — Она была в ней! В ней! То есть Дина лежала в этой ночной рубашке!

Валентина вытащила из-под подушки ночную рубашку и отправила её в свой очередной пакет.

Сорокин вышел из комнаты, но быстро вернулся. Вид у него был расстроенный.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Да, Наталья. Я думал, что замок — это просто случайность, что он сам захлопнулся, но оказывается, здесь действительно кто-то был. И кое-что унёс... У нас из-под носа, только что!

А Валентина улыбалась. Она, видимо, этого и ожидала. Но самое интересное — когда мы отошли от шока, то обнаружили, что с нами нет Жанны! Эта непредсказуемая женщина исчезла! Мы ринулись в её дом, но и там, увы, было пусто!

ГЛАВА 17

Простор фантазии

Мы с Сорокиным наперебой рисовали картины преступлений Жанны Петровны, то есть Шурочки. Украла. Ограбила. Убила.

Кого? Женя предполагал — сначала Манефу, потом Дину. Я же прихватывала ещё и тех ограбленных мужчин в тайге. Манефа с Диной, очевидно, узнали о ней что-то недозволенное, и эти знания помогли бы обнаружить, кто же такая на самом деле Жанна Петровна. Она не могла этого допустить. Слишком многое было поставлено на карту. Она не хотела в тюрьму!

— Но зачем ей было рассказывать про труп Дины? — спрашивал Свинцов, у которого, очевидно, имелась другая версия происшедшего. — И потом... Кто-то запер дверь. Исчез воск. То есть игра — если это игра — продолжается. С нами играют, как кот с мышью. Где мы пока что мыши...

— Понимаешь, Дима, у неё чисто женское убеждение — чем больше всяческих деталей, аксессуаров, тем меньше внимания человек обратит на главное, — доказывал Сорокин, и я была с ним согласна. — Вот она всё и обставила разными разностями. Убила Манефу и разыграла, что знать ничего не знает, сама попросила Дину сходить к старухе... Убила Дину и уж чего только не нагородила!

Поддержав Сорокина, я выразила мнение, что и рюкзак-то она, скорее всего, сама у себя стащила, и лежит он сейчас в укромном месте, о котором знает только она, Шуручка, то есть Жанна наша дорогая Петровна, исчезнувшая в ночи...

— А зачем? Зачем ей всё это? — заговорила Валентина, до сих пор упорно молчавшая.

— Чтобы скрыть свои преступления! — крикнула я.

— Но для чего тогда они с мужем обратились ко мне за помощью?

— Ты стала для неё дымовой завесой. Она спряталась за тебя. Так запутала, смешала все факты, что из них получился настоящий коктейль!

— Ты так думаешь? Ну что ж, посмотрим! — и с этими словами Валя вышла из дома, попросив нас оставаться на своих местах.

Я увидела, что подруга направилась в сторону реки. Шла она уверенным шагом — знала, видимо, куда идти.

Свинцов не выдержал и пошёл за ней, а мы с Женей остались. Я предположила, что, если Жанна Петровна не уехала из деревни, она может быть в двух местах: у пчеловода Николая Павловича, который хорошо к ней относится, и у молочницы

Клавдии Митрофановны, любящей своих постоянных покупателей. Валя пошла к речке — значит, к Николаю Павловичу...

Когда она вернулась, то ничего нам не рассказала. Мы молча сели в машину и отправились к владениям Богдана Степановича.

— Может, лучше сразу в УВД? — робко спросила я.

— Нет! — ответила Валя. — Я должна ему кое-что рассказать!

Мэр уже стоял на пороге, торопясь на работу в свою мэрию, но Валентина, чуть не сбив его с ног, прошла в гостиную и тут же закрыла за собой дверь, оставив нас в прихожей. Взглянув на унылые лица Сорокина и Свинцова, я заметила, что талантливый человек имеет право на некоторые экстремальные поступки, которые ему следует прощать, и принимать всё как есть.

Валя вышла вместе с мэром, который повторял:

— Я вас понял... Понял... Понял... — потом, словно очнувшись от гипноза, он спросил, где мы хотим провести экспертизу деревенских находок.

— Мы вернёмся к себе домой! — заявила Валентина. — На вашей машине.

В тот же день мы действительно были уже дома. То есть мои-то спутники — да, а я — в квартире своей сестры, где первым делом залезла в ванну и вновь уставилась на обои, с которых всё началось. И подумала: как странно... Фотограф, тайга, Шурочка — Жанна Петровна, Дина, Манефа... Сколько имён, судеб, а ясности никакой...

Я вылезла из ванны и решила слегка перекусить, а потом сесть и коротко написать обо всём, что произошло, дабы ничего не упустить. И тут обнаружила, что моя записная книжка осталась у Жени Сорокина. Я позвонила ему, представилась и с удивлением узнала от его жены, что он только что отбыл в командировку.

— В Малое Евсейково? — наугад спросила я.

— Ну да!

Ничего себе! Надо было проехать сотни километров сюда, чтобы через час-два вновь отматывать эти же сотни в обратном направлении... Не понимаю!

А когда я что-то не понимаю, то отправляюсь напрямик к Валентине. Войдя в агентство, я увидела её сидящей за столом и рисующей какие-то схемы. Листы были все испещрены какими-то ромбиками, квадратами, кружочками, большими и маленькими точками, пунктирными линиями.

— А что это за пунктир вокруг Манефиного дома? — спросила я, подходя к подруге.

— Она так ходила... Николай Павлович сказал, что Манефа часто прогуливалась ночью. Её за это вампиршей и прозвали. Вокруг дома несколько раз обойдёт и — спать. А то и ещё куда-нибудь прогуляется...

— Господи, как страшно! Но у тебя тут ещё два пунктира. Один — к дому Дины, другой — к Жанне Петровне...

— Ну да.

— Так она всё-таки к их домам ночью ходила...

— Николай Павлович видел. У него ведь бинокль есть, если ты заметила...

— Вот как... Она действительно могла что-то подслушать или подсмотреть! Такое, за что убивают!

— Могла.

— Но... Подслушать она могла только Дину! Жанна ведь не разговаривала сама с собой, мэр появился в деревне уже после того, как её ограбили. А вот Дина могла говорить со своим Икаром о чём-то таком, чего Манефе знать было не положено!

— Молодец! Логика в твоих догадках есть. Если бы ты ещё подсказала, где искать Дину, — прервала меня Валентина.

— Где искать... Да уж он её, верно, так закопал, что сто лет не отыщешь!

— Закопал...

— Ну, сама она, что ли, закопалась?

— Сама закопалась... Господи, Наталья, у меня от тебя кружится голова!

— Знаешь, Валя, душа художника мне не чужая, поверь... Когда я узнала, что Дина, бедная девушка, выполняла какие-то художественные работы в городе, мне так захотелось на них посмотреть! Хотя бы на одну. Ну почему, почему мы не остановились и не посмотрели?

— Дело в том, подруга, что мы не нашли этих работ...

— Как — не нашли?

— Так. Хотя коллеги по моей просьбе обзвонили всех, кто мог иметь информацию о ней.

— И в соседних городах?

— Да.

— Значит, её никто никуда не приглашал... А она так хотела... Господи, да на что же она тогда жила? На подачки этого Икара? Бедная, бедная девочка! — и тут мне пришла в голову сногшибательная мысль. — Валя! А вдруг она жива? Вдруг у неё просто был обморок, а потом она очнулась и сбежала от своего мучителя? И где-то прячется... Господи, если мы её найдём, обязательно устрою ей заказы, да не где-нибудь, а в самой Москве!

— Слушай, а во сколько ты сама завтра едешь в Москву?

— Я? В Москву?

— Ну да. Ты же мне все уши прожужжала о собрании землячества...

— Господи! Умница, что напомнила! Ночью поеду. Утром буду там. А регистрация участников — в двенадцать.

— Прекрасно. Поедем вместе. Надо немного расслабиться, отойти от этих трагедий. Тем более что у меня уже есть версия, и она кажется единственно правильной, осталось лишь подкрутить кое-какие винтики. Но это сделают и без меня...

— Сорокин? Он уехал в деревню с моей записной книжкой!

— Ох, извини! Он передал её мне, а я и забыла! Вот она, возьми!

Выходит, это Валя, не дав Жене Сорокину ступить на родную землю, вновь отправила его в эту страшную деревню!

— Ну да, я. Тем более что у него там появился родственник. Николай Павлович.

Валя всегда любила преподносить сюрпризы. Значит, Сорокин под видом родственника поселится у пчеловода, чтобы наблюдать, так сказать, за местностью. Ловить беглянку. И заодно искать труп либо живую прячущуюся Дину. А мы спокойно покажем в Москву, чтобы насладиться обществом друзей-земляков, живущих в столице! Что-то тут не то... Но что именно? И ещё... Мы как-то за всеми этими женщинами в деревне забыли о фотографе Новичкове. Знаем, что тело его обнаружили в реке, и всё! Серж сказал, что он сильно ударился о камни и какие-то железные стойки, оставшиеся в воде с давних пор, и на голове у него была огромная вмятина. Почему-то никто и не предположил, что там может застрять пуля... Я спросила об этом Валю. Оказалось, пуля и впрямь имела место. А ещё подруга сказала, что в то время, когда пароходик плыл по реке, Жанна Петровна безвылазно находилась в деревне. Был у неё такой период, когда

она боялась высунуть нос на улицу. Копалась в огороде, ходила за молоком, общалась с Диной, пчеловодом...

— Следовательно, это сделал Икар, или как его там...

— Его зовут Акан. С ним на самом деле всё просто — узнали владельца по номеру машины. Николай Павлович помог со своим биноклем.

— Акан? Он всё-таки существует... А я сомневалась. Интересно, кто он по профессии?

— Зубной врач. Стоматолог.

— Стоматолог? Мне кажется, что каждый стоматолог-пролетист мечтает найти золотую жилу, — задумчиво проговорила я. — Скажи, он её нашёл?

— Думаю, да.

— Но как объяснить, что рядом с ним была Дина? Деревенская девушка без гроша в кармане?

— Всё не так просто, подруга...

— Не хочешь ли ты сказать, что Дина ждала какое-то наследство?

— Нет. Я вообще больше ничего не хочу сказать. Меня там нет. И это поможет Жене с Графовым и Савиным расставить силки без проблем...

Я ехала в Москву с тяжёлым чувством. Мне так хотелось, чтобы Жанна не убивала! Украсть — это одно. Ограбить — умело, красиво, изысканно — это даже, наверное, искусство! К тому же грабит чаще всего тот, кому деньги нужны больше, чем их хозяйну. И ещё одну вещь я знаю по своему опыту: тот, кто совершает хитроумное ограбление и потом умело замечает следы, в душе всё-таки романтик и никогда не станет убийцей. И когда речь заходила о Шурочке-Жанне, я всегда подсознательно об этом думала.

— Валя, Шурочка не убивала... И не думай даже...

Подруга ничего не ответила, а поезд продолжал отстукивать свою бодрую мелодию...

Мы уже подъезжали к Москве. Мимо нас несколько раз прошёл по коридору один и тот же паренёк небольшого роста, в чёрных джинсах и чёрной рубашке, из-под которой виднелась красная футболка. Он даже обратился к Валентине: дескать, не найдётся ли закурить. Она улыбнулась ему своей самой очаровательной улыбкой и сказала, что не курит. Взгляд его

скользнул по моей сумочке, но и я сказала то же самое. Он прошёл в тамбур, а Валя достала мобильник и тихо сообщила кому-то, что объект в нашем вагоне. И прибавила дежурное «целую»! Я поняла, что говорила она со своим недремлющим Платоном Петровичем, которого тоже связала в это дело. И немудрено — у него такая же специальность, как и у Вали...

Когда наш поезд прибыл на Ярославский вокзал, первым, кого мы увидели, был именно Платон Петрович! Валя бросилась к нему на шею, громко и радостно извещая окружающих о том, что наконец-то мы все отдохнём, ходим по театрам, музеям, по магазинам и ресторанам! В это время мимо нас и прошёл тот курящий парень. Прошёл и тут же затерялся в толпе...

ГЛАВА 18

Дорогие мои земляки

На заседание землячества мы опоздали, потому как вход в здание очень высокой правительственной организации на Новом Арбате, где оно проходило, оказался без всяческих обозначений, не считая рекламы казино и модных колготок. Несколько раз мы проскочили мимо нужных дверей, пока нам не показала их сердобольная сотрудница зала игровых автоматов. Войдя в зал и увидев знакомых, мы подсели к ним и спросили, что здесь происходило за время нашего отсутствия. В общем, ничего особенного, обычные запланированные выступления. А потом нам сообщили, что прибыла группа артистов. Обычно для этой цели вызывали земляков из филармонии, но в этот раз основные коллективы уехали гастролировать за рубеж, а потому для участия в концерте пригласили актёров из антрепризы. Планировалось, что они представят отрывок из своего спектакля. А уж когда нам сказали, что будет показан отрывок из пьесы Островского «Свои люди — сочтёмся», восторгу нашему не было предела. Но вдруг мы с Валентиной буквально онемели от неожиданности — на сцену выпорхнула наша Алла! Всё, Островский был для нас потерян! Мы начали думать только о том, как бы не упустить нашу актрису, а потому отправились в фойе, а уже оттуда — к сцене. Ждать пришлось долго, и добрый кусок спектакля мы всё-таки увидели — сбоку. Пристроились

так, чтобы и Алла могла нас заметить. «А что это вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите?» Липочка-Алла прошла по кругу, погрозила жениху пальчиком и, остановившись как раз напротив нас, открыла рот от изумления!

Минут через десять мы втроём уже сидели в комнатке, отведённой под гримёрку, где Алла, стирая с лица грим, говорила, говорила!

— Ой, девчонки, сколько я вам звонила! И никто, никто не отвечал! А я, кажется, раскрыла убийство! Раскрыла психологически. Помните стих, который висел в фойе перед залом с фотографией Новичкова?

— Да, помним, — соврала я, так как из-за бурно развивавшихся событий мы как-то о нём подзабыли.

— Ну, вот. А я... Я встретила с автором. С поэтом Зайчиковым. И стала издалека его спрашивать, как ему пришло в голову написать такое посвящение Новичкову. Он, конечно, ответил, что весьма уважал и ценил его как художник художника, что трагическая смерть Алексея Степановича его потрясла... Я прикинулась «чебурашкой» и спросила, когда он умер. Слышала, что он вроде бы утонул. А Слава в ответ: «Его достала пуля!». Я говорю: откуда, мол, вы это взяли? В газетах ни слова не было о пуле! И он мне ответил, что газеты врут!

— Да... Алла, а ты поинтересовалась, откуда он об этом узнал? — спросила Валентина.

— Конечно. Ему сказала девушка, которая нарисовала портрет фотографа.

— Портрет, который висел в фойе? — спросила я.

— Да! И тогда я... Только вы меня не ругайте за это... Тогда я взяла и показала ему Васин рисунок. Не знаю уж, что меня подтолкнуло. Плохой, конечно, да ещё и копия, которую вы мне дали ...

— Господи, ну, и что он? Почему из тебя всё приходится вытягивать? — разозлилась я.

— Потому что я волнуюсь! Потому что он сказал — это она! Та, что рисовала портрет Новичкова! И сразу исчезла! И тогда я пошла... нет, я побежала к вашему Леониду Гавриловичу Серженко. Примчалась к нему и всё, всё рассказала! И тоже показала рисунок! А он усмехнулся и ответил, что каждая десятая женщина выглядит так же, как и та, что на рисунке. Что он слишком

уж общий, что ли... Размытый... В общем, мне показалось, что ваш Леонид Гаврилович подошёл к этому несерьёзно.

— А знаешь что, Алла? Давай-ка махнём прямо сейчас к этому твоему Зайчикову, а? Как ты на это смотришь? — предложила вдруг Валентина и, посмотрев на часы, заметила, что добежать до вокзала и купить билеты мы вполне успеем.

Так мы втроем снова отправились в путь.

Ночью, когда поезд громыхал по рельсам как товарный состав и наш вагон покачивался из стороны в сторону, Валя несколько раз звонила по мобильнику. Мы с ней занимали нижние полки, и мне было хорошо слышно, как подруга сказала:

— Рано. Следует продолжить наблюдение и дать ему возможность ехать туда, куда хочет. Мы ведь знаем это место. Надеюсь, что там его ждут. Брать следует тогда, когда будут доказательства...

Телефон звонил ещё несколько раз. Впечатление было такое, что на Валентину работает целое милицейское подразделение, и вот именно сейчас, ночью, к ней стекается вся добытая коллегами информация. Уже засыпая, я услышала её горячий шёпот в трубку:

— Будьте осторожнее! Она очень опасна! Главное — ей нечего терять!

Под стук колёс, засыпая, я думала о Шурочке. Ей действительно нечего терять — всё уже потеряно. Даже собственное имя...

Поэта Зайчикова мы застали дома, на маленькой, метров в пять, кухне, которая одновременно служила и его рабочим кабинетом, ибо в единственной комнате располагались его жена и новорождённая дочь. Они отсутствовали — ушли на прогулку.

— А это не опасно? — спросил он, глядя на нас.

Человека явно смутило то, что за его показаниями мы специально приехали из Москвы, тогда как сам он не считал их важными и думал — так, обычный трёп... Валентина заверила его, что о нашем приезде никто не знает и что имя его не будет фигурировать в документах.

— Ну, почему же, — замылся поэт. — Если убийца будет арестован, тогда пожалуйста...

Мы выложили перед Зайчиковым таёжные снимки.

— Она? — спросила Валя, указывая на девушку.

— Она! Можете не сомневаться!

В голове моей билась одна мысль: но это же не Шурочка! Не Шурочка? Но ведь похожа... И годы меняют человека... Но всё равно это не она! Это другая девушка, которую я где-то когда-то видела, но где и когда — не могу вспомнить... Но вот странность — Валя нисколько не удивилась словам Зайчикова. Она только расхохоталась и тихонько проговорила:

— Ах, дура я, дура... Ведь понимала же, понимала, но не поверила самой себе... Хорошо, что вовремя очухалась...

Мы взяли с Зайчикова слово, что пока он будет нем как рыба, затем заскочили к Серженко и проинформировали его о новых фактах. Впрочем, Леонид Гаврилович был занят очередным убийством и слушал нас вполуха. Он тут же вызвал Татьяну Маркову, и те же снимки мы показали ей...

— Кажется... Кажется, это та самая монашенка, что сидела на пароходе рядом с Новичковым, — удивлённо произнесла она. И уж совсем изумилась, узнав, что эти снимки мы привезли из тайги.

В целях раскрытия убийства Новичкова профессиональный долг повелевал Сержу отправить кого-либо на место последнего действия убийцы. Валя назвала его — деревня Малое Евсейково. Естественно, послал он туда Татьяну Николаевну Маркову. Татьяна изъявила желание ехать с нами прямо сейчас.

Изменившиеся обстоятельства заставили нас забыть о Москве и отправиться сразу в деревню. Валя без конца связывалась по телефону с коллегами из разных мест, а также с Богданом Степановичем. С ним она разговаривала отдельно от нас, мы не слышали ни единого слова! Но потом поняли, что своеобразный штаб по раскрытию таёжных и деревенских убийств будет располагаться в квартире мэра.

Серж долго скрипел, уверяя, что у него нет машины — всё в деле, но в итоге отдал нам свою собственную, которой отлично управляла Татьяна.

Богдан Степанович встретил нас на улице, возле подъезда своего дома. Валентина отвела его в сторону и долго о чём-то с ним говорила. Мы с Татьяной и Аллой не слышали ничего, кроме его заключительной фразы:

— Я вам верю!

Впятером мы поднялись в квартиру мэра. Нас усадили в гостиной, а потом Валентина исчезла, и довольно надолго.

Видимо, кому-то опять звонит, отдаёт последние распоряжения, думала я. Богдан Степанович сам принёс нам только что сваренный кофе, миндальное печенье, а также рабочую одежду, рулетку и... нивелир! Мы перекусили — молча и ничему не удивляясь. К нам присоединилась Валентина, но зато исчез мэр, и вскоре мы услышали, как хлопнула входная дверь. Через пару минут во дворе зарокотала машина...

Валя же заставила меня и Аллу облачиться в принесённые мэром робы, мы тоже спустились вниз и уселись в машину Сержа. Рулетка и нивелир разместились тут же.

— Ты что, хочешь сделать из нас геодезистов? — спросила я.

— В принципе, да. Только вы должны учитывать, что нивелирование местности требуется и в археологии. Копаться в прошлом — это как-то достовернее и безопаснее...

Подруга попросила Татьяну ехать не слишком быстро. По пути она объяснила нам примерную задачу, которая нам не очень понравилась, даже показалась рискованной. Не для нас — для жертвы! Она должна стать приманкой. И кто мог поручиться, что эту приманку не сразит пуля, прежде чем наши люди бросятся ей на помощь? А может, не пуля, а удар ножом... Короче, я поняла, что, если жертва окажется в относительной безопасности, наши люди не покинут своих укрытий, а возьмут убийцу в другой, более удобный и яркий момент. Но если над ней нависнет смертельная угроза, все кинутся её спасать. И главное, абсолютно всё будет сниматься на плёнку! В деревне под видом новых жильцов поселились оперативники. Они представляются празднично отдыхающими, бродящими по лесу в поисках грибов, фотографируют и снимают на видео самые красивые уголки деревни...

Машина наша остановилась метрах в трёхстах от Евсейково, высадила нас и поехала дальше. Мы сошли с трассы и, не подходя к домам, стали огибать местность.

— Валя, ты не ошибаешься? Ведь там овраг! — напомнила я.

— Всё верно, подруга. Туда нам и надо!

Через некоторое время мы оказались в небольшой лощине, потом свернули вправо и пошли по её дну. Идти было трудно, и как же здорово, что мэр добыл нам резиновые сапоги!

Впереди послышался тихий свист, и через некоторое время из густого кустарника навстречу нам продрался... Сорокин!

— Объект номер один на месте! — доложил он Валентине. — Дима наблюдает за ним из Манефиного дома.

— Так... А объект номер один — один?

— Нет. Как вы и предполагали...

— А что у нас делает объект номер два?

— Собирается на прогулку, — Женя посмотрел на часы. —

Через полчаса должен выйти. По моему сигналу. А вы идите за мной, я вам всё покажу и расскажу! — и он повёл нас дальше по оврагу.

Наконец мы достигли края, забрались вверх, к деревенской улице, которая заканчивалась здесь небольшим выступом, и обосновались под ним. С улицы нас не было видно. Сорокин предупредил, что говорить мы должны не просто шёпотом, а полuşёпотом, да и то по необходимости, а лучше будет, если никто из нас вообще не раскроет рта.

— Да, но как же узнать, что нам предстоит делать? Конкретно, я имею в виду!

— Конкретно — не дать объекту прокатиться до дна оврага.

Иначе он может получить травмы, не совместимые с жизнью...

Интересно, что за объект? И как это мы будем его ловить?

— Этот человек — действующее лицо нашей драмы... Так что не переживай... — шепнула мне Валентина.

Сорокин всё-таки покинул нас и забрался на дерево с такой густой кроной, что увидеть его было просто невозможно. Мы и не видели. Только слышали, как Валя с ним переговаривается, и поняли, что он настраивает видеокамеру. А Валя вытащила свой неизменный диктофон, с которым никогда не расстаётся. Следовательно, они приготовились всё снимать и записывать. Значит, последнее действие драмы вот-вот начнётся...

ГЛАВА 19

На краю обрыва

Действительно, с улицы послышались лёгкие шаги и тихое покашливание... Судя по всему, это была женщина. Она подошла к скамеечке и села. Через несколько минут быстро простучали другие шаги.

— Вот я и догнала вас, Жанна Петровна, — услышали мы приятный женский голос.

— Вы?! Ты?.. О, господи! Прости меня, господь всемогущий... Только убери от меня это наваждение!

— Ах, Жанна Петровна! А я-то так мечтала о встрече с вами!

— Дина... Диночка... Так ты жива?! Ты действительно жива? Но это же... такая радость!

Значит, это Дина! Живая Дина! Но из всей нашей компании удивилась только я. Алле было просто любопытно, а Валя, кажется, всё давно знала.

— Напрасно вы так. Не надо строить из себя овечку...

— Я ничего не понимаю... Какую овечку? Как ты заговорила...

— Ну вот, вам уже кое-что стало ясно... Хотите, я расскажу сказку? А? Ну, так вот. Стащил мужик у одного хозяина несколько мешков зерна и спрятал на время в укромном месте, чтобы потом перенести это добро к себе домой. А один из тех, кто это зерно выращивал, нашёл его. Только оглянулся в поисках верёвки, чтобы удобней было зерно нести, глядь — а половины и нет! Унесли из-под носа! Ну, и что же вы молчите?

— Но какое это отношение имеет... ко мне?

— Самое прямое. Вы ведь мешки из-под носа унесли.

Не имея на то никакого права.

— Да я в жизни не видела никакого зерна!

— Но я же рассказала сказку. С подтекстом. Зерно зерну рознь...

— Как ты говоришь... Куда делась деревенская девушка-простушка? Прямо... бандерша какая-то, а не Дина!

— Вижу, мозги ещё кое-какие остались, не всё на мужей истратила... Сколько их у тебя было, хитроумная ты наша?

— Не твоё дело, пигалица! Что тебе от меня надо? — Жанна чуть не задышалась от возмущения.

— Золото, которое ты стащила в тайге у нас из-под носа, мы себе вернули. Думаю, это тебя не слишком опечалило. Уверена, что и до этого ты совершила немало подвигов, и кладовые твои не пусты. Жаль, что всё пропадёт...

— Это почему же? — кажется, Жанна Петровна совсем сникла.

— Потому что ты сейчас покончишь с собой. Иначе разве бы я так с тобой разговаривала? Да никогда!

— Господи, ну какая же я дура! Хорошо. Ты получила моё золото. Но зачем тебе моя жизнь?

Однако Дина, похоже, перестала обращать на неё внимание и словно разговаривала сама с собой.

— Это же высшее блаженство! — воскликнула она. — Про тебя думают — неотёсанная деревенщина! А ты... Я решила — буду! Буду, буду! Буду счастливой, богатой, буду властительницей, а не рабой! Поживу и за себя, и за своих родителей! Мне это государство всё отдаст, что им недоплатило, когда они горбатились сначала на прииске по колено в воде, а потом в совхозе за трудодни! Да ещё и моральный ущерб возместит! И я уехала подальше отсюда на родину отца и матери... В Сибирь... Там и дом их ещё сохранился. Уехала, чтобы подумать. А тут как раз самолёт за золотом прилетел. Смотрю, инкассаторы — ребята как ребята. Я с ними познакомилась. Счастливая мысль пришла сразу, а через некоторое время — план, чтобы её осуществить. Никому не надо знать, сколько раз мы проделывали этот фокус! Сколько самолётов исчезло в тайге! Но я горжусь тем, что сумела сделать. Я создала настоящую организацию, каждый член которой был хорошо смазанным винтиком в замечательном механизме! Единственное, чего я не хотела — это быть жестокой! Но мне приходилось быть жестокой, иначе моя команда перестала бы верить в наше сообщество. Нельзя было допускать никаких проколов.

Однажды два умника добрались до «упавшего» в условленном месте самолёта быстрее, чем мы, — машина приземлилась с отклонением от намеченного места. Они взяли то, что им не принадлежало! А в нашем деле справедливость — святое дело! За это в них пришлось отправить две пули. Но в тот день нам явно не везло — и к ним мы опоздали! У нас под носом кто-то выпотрошил их сумки, карманы... Мы догнали вора... женщину. А потом вновь её потеряли. Но уж когда опять напали на её след, то больше не медлили. Мы поздно узнали, что ошиблись, что отправили на тот свет случайного человека — говорили, какую-то учительницу... Но мы не виноваты, что вы оказались похожи! И всё-таки мы нашли настоящую воровку. Но решили: хватит жертв, нам не нужна её жизнь. Нам нужно наше золото! И мы его взяли. Мой первый подручный, Акан, вырубил Манефу, которая подслушала наш разговор себе на беду, позвонил ментам и дал понять, что это сделала ты, грязная авантюристка,

шастающая по тайге в поисках чужих сокровищ, вместо того чтобы работать как все!

— Но ведь ты...

— Молчать! За меня отработали отец и мать! А твоя мать сидела дома! На зарплату отца-начальничка!

— Он был шахтёром...

— Полно заливать! Моя команда всё про тебя узнала!

Был, да, но всего несколько месяцев, да и то работал у клетки, у подъёмника... Лифтёром, проще говоря! Но наш звонок не сработал — менты тебя не арестовали. А нам так нужно было время, чтобы найти твой рюкзак! Это ты хорошо придумала, что закидала его картошкой. Мы искали долго! И когда ты уезжала в город, и когда рылась у Манефы в доме... И вычислили, где он. Оставалось только взять. Пришлось сыграть эту комедию с убийством. Сооружать манекен, чтобы ты приняла его за мой труп! Я ведь говорила тебе, что занималась в художественной мастерской. Правда, не уточнила, что моей специальностью должна была стать скульптура. Не получилось. Но навыков вполне хватило для того, чтобы изготовить собственную фигуру. А потом мне самой пришлось сжимать твою шейку, гадина, чтобы Акан успел взять то, что тебе не принадлежит! И он успел!

— Успел... А для чего? Ты живёшь в старой покосившейся избе...

— Так ведь чем роскошнее особняк, тем легче вычислить человека... К тому же у нас были совершенно другие цели!

Все эти откровения мы слушали, затаив дыхание. Было ясно, что Дине выпала возможность поиграть со своей жертвой, которая раньше вовсе и не догадывалась, что она жертва, и девушка этим воспользовалась. Наверное, эта игра была необходима ей как тренинг, ведь она вынуждена была надевать на себя разные маски... Интересно, а какая она настоящая? О господи, что-то они там обе замолкли... Не случилось бы беды! Но тут мы с облегчением услышали, что Жанна Петровна снова заговорила:

— Не знаю, веришь ли ты в бога... А я верю. И клянусь тебе, что никому, ни одной душе не скажу о твоих... делах. Оставь меня в покое. Я ведь поехала в тайгу за приключениями. Такой уж, видно, уродилась авантюристкой. Мне и в голову не приходило, как всё опасно. Я и теперь для тебя помеха? Ты действительно хочешь отнять у меня жизнь?

— Ах ты, ласточка, жалкая, тихая, красивая, раскаявшаяся!
Ах, ах! А ведь я не сказала о главном!

— О чем?

— Ты думаешь, я тебя не узнала? Да я тебя даже по запаху определю! Правда, я не думала, что сначала ты захочешь меня убить, а уж потом полезешь в дом к Манефе! Это была та ещё ночь! Но как себя обезопасить, я сумела сориентироваться! Когда ты душила меня подушкой, а я дрыгала ногами, изображая предсмертные конвульсии, на самом деле всё было не так. Я заранее сделала дыру в матрасе и дышала через неё. Ты ведь заметила, что я лежу не на спине, а на боку?

Жанна Петровна молчала. Думаю, она была совершенно раздавлена. А мы все задавали себе один и тот же вопрос: неужели это правда? И вдруг услышали:

— Господи! Дина, девочка, сколько же тебе пришлось пережить! Если бы я знала, я бы бросилась тебе на помощь! Но чтоб мне самой поднять на кого-то руку... Такого никогда не могло быть!

— Сю-сю-сю! Плохо играешь. Труднее всего было выманить тебя потом из твоего дома. Акану тогда не хватило времени, чтобы найти у тебя рюкзак, и пришлось создать впечатление, что в моём доме что-то происходит. Конечно, ты могла испугаться и не пойти. Но ты пошла! Из чистого любопытства? Для острых ощущений? Возможно. Главное, ты хотела убедиться, что не оставила никаких следов, убивая меня. Первый шок у тебя был, когда ты увидела мою пустую кровать. Вот когда ты впервые по-настоящему испугалась! А пока отходила, мы спокойно бродили по твоим апартаментам, чтобы реквизировать свою собственность. Пойми, я должна была победить! Для этого было сделано слишком много! Думаешь, ты случайно приехала в нашу деревню, сама выбрала это место? Нет, его для тебя выбрала я, потому что здесь мне легче было с тобой разделаться!

— Дина, я могу отдать свои алмазы! В обмен на собственную жизнь. И распоряжайся ими как хочешь! Возьмёшь? Они дома у моего мужа... последнего. В картине, где плещется море... И где белые медведи. Вот ключи от квартиры. Возьми. Я и адрес тебе скажу, и код подъезда. Мой муж — мэр города, он редко бывает дома. Надо ножичком или пилочкой для ногтей очистить краску в том месте, где в море врезается кусок скалы.

Там есть небольшая пластинка, её следует нажать... — и Жанна дрожащим от страха голосом назвала свой адрес.

— Чего только не сделаешь на краю гибели, а? — спросила Дина, в голосе её слышалась явная издёвка. Даже угроза.

— Я тебе всё отдам. Но твои методы... Я во многом себя виною. Но ты, кажется, ещё хуже. Манефу убили. А ведь она тоже всю жизнь в колхозе проработала. И на целине была... Труженица!

— Это всё в прошлом! — резко заметила Дина. — А землю спасать надо сейчас! Мы убивали сразу двух зайцев. Манефа узнала про нас с Аканом лишнее — это одно. И второе — её смерть можно было свалить на тебя. Старуха говорила мне, что знала твоих родителей. Ведь так?

— Не жди от меня признаний. Ты их не получишь!

— И когда я сказала тебе про её дневник, ты испугалась! Я была уверена, что ты той же ночью полезешь за её рукописями! И ты пошла туда и дала нам ещё немного времени, чтобы порыться в твоём доме. Выбери сама себе наказание. Кару. А я исполню.

— Да ты сумасшедшая! У тебя глаза... белые! Помогите!

— Здесь никого нет, Жанна Петровна! Или как там тебя...

Прошли какие-то геодезисты, но их уж и след простыл. Манефа небось знала твоё настоящее имя...

— Да! Знала! Ну и что? Мои грехи — детский сад по сравнению с твоими делами!

Дина молчала. Интересно, как эти две бандерши, одна другой хлеще, смотрят сейчас друг на друга? Хотела бы я видеть эту картину...

— Господи, помогите! Да помогите же кто-нибудь! А-а-а!

Тут ветки дерева, на котором укрылся Женя, отчаянно зашевелились, мы молча выскочили из своего укрытия и еле успели поймать ополоумевшую от страха Жанну Петровну, которая не переставала кричать. Сообразив, наконец, что находится не на дне оврага, а в наших руках, она постепенно замолкла. А мы услышали торопливые шаги убегающей Дины...

К нам тихонько подошёл Сорокин.

— Она, думаю, ничего не заметила. Даже не посмотрела вниз... Развернулась — и бежать!

— Прекрасно! — отметила Валентина и обратилась к начавшей что-то соображать Жанне Петровне: — Живы вы, голубушка! Но за эти минуты наше представление о вас стало

значительно богаче. Мы-то, грешным делом, думали, что Шурочка, похоронив себя, начала новую, праведную жизнь. И что золото попало к ней чуть ли не случайно... А она, оказывается, цеплялась за каждую возможность получить ещё и ещё... Вы похожи на обжору, который вот-вот лопнет, но всё равно продолжает есть. Это, мягко говоря, некрасиво... Но, скажу как профессионал, хитро, здорово вы всё придумали! Похоронили сами себя. Или хотя бы с этим последним замужеством... Вышли за человека по фамилии Ратников. У вас ведь именно такая девичья фамилия. Мало кому придёт в голову, что вы сыграли на совпадении фамилий... Бедный Богдан Степанович!

— Он не бедный, — еле разжав губы, проговорила Жанна Петровна. — Он... Я, кажется, его полюбила... Не знаю... Но почему вы стоите? Почему не бежите за Диной? Она бандитка! Убийца!

Однако Валентина не обратила внимания на её слова, и мы поняли — Дину было кому встретить в деревне.

— А золото у вас, значит, с того самолёта... Вы оказались очень прыткой, везде успели. Вы так маскировались, что невольно возникает подозрение: может, Шурочка тоже входила в какую-нибудь банду? А?

— Нет! Я сама еле ноги оттуда унесла. Мне помог случай, я встретила в лесу какую-то женщину. Она была очень на меня похожа. И её убили. Теперь я знаю, что случайно, вместо меня. И это позволило мне выбраться незамеченной и поскорее скрыться. Правда, пришлось переночевать у одних хозяев. Они рылись в моих документах, я это утром поняла. А у меня прописка была в этом городе, где я снимала квартиру. Там Динин хахаль меня, видно, и подкараулил, и подсунул мне этот дом в деревне...

Неожиданно откуда-то снизу появились Графов с Савиным. Они шагали в ногу, а в руках у них были носилки. Жанну положили на них и прикрыли сверху серым плащом, который принёс Савин. Валентина о чём-то с ней пошептала, а потом участковые милиционеры подняли носилки и направились к её дому. За ними шли Валя и Сорокин. Процессию замыкали мы с Аллой. Войдя во двор, милиционеры поставили носилки на широкую скамью, окружённую клумбами с пионами и астрами, и к дому стали подходить деревенские, спрашивать, что случилось. Приковылял даже Николай Павлович. Но мы никого не пускали за ограду, тем более к носилкам, где лежала наша Жанна Петровна.

Просто объяснили всем, что женщина сорвалась с обрыва, а мы нашли её в овраге. Вызвали скорую, но... И дальше кто-то из нас делал неопределённый жест, говорящий, что медикам, по всей вероятности, делать тут уже нечего.

Наконец появилась та, ради которой и игрался весь этот спектакль, — Дина! В нескольких шагах от неё стояла Татьяна, не выпускавшая девушку из поля зрения. Вот, значит, какую роль отвела ей Валентина...

— Боже мой! Что случилось? — спрашивала у всех Дина, пробираясь к калитке. Мы уже в который раз повторили свою легенду.

— Можете к ней пройти, — разрешила Валентина. — Говорят, вы были дружны. Пожалуйста! — и открыла девушке калитку.

Дина вошла во двор и осторожно подошла к носилкам. Слева и справа от неё встали Графов с Савиным, за спиной — Сорокин с Татьяной.

— Гражданка Евсеева, в прошлом — Огневая, вы арестованы! — тихо, но твёрдо проговорил Графов.

— За что? — спросила Дина, не пошевелившись и глядя вперёд, в одну точку, словно видела там для себя какое-то спасение.

— За покушение на жизнь Жанны Петровны Ратниковой. За организацию преступной группировки...

— Вы несёте чушь!

— Да нет, Дина, вы прекрасно знаете, что это правда. Да и сама Жанна Петровна подтвердит. Так ведь, Жанна Петровна?

Татьяна откинула серый плащ и помогла женщине сесть. Та была бледна — видно, до конца ещё не пришла в себя. Дина стояла всё так же, не шевелясь. Неожиданно через забор перемахнул какой-то молодой человек, внеся смятение в наши ряды, и вдруг Дина, словно придя в себя, встрепенулась и понеслась к калитке. Стражи порядка ринулись за ней, ругая какого-то Храмова, который должен был следить за Аканом, но не выполнил своих обязанностей. Милиционеры опоздали — разъярённая Дина, добежав до конца улицы, помчалась к оврагу, не чувствуя под собой ног... На мгновение показалось, что она сейчас прямо взлетит в заоблачную высь, но... Раздался душераздирающий крик, затем — удар, и глухая пустота надвинулась на девушку...

Трудно поверить, но мы нашли её в овраге... живую! Очнувшись в больнице после тяжёлой операции, она явно плохо

ориентировалась в пространстве, так же плохо видела и соображала, отчего, приняв дежурившего возле неё Сорокина за своего Акана, спросила:

— Скажи, нас должны мучить угрызения совести?

Сорокин честно ответил, что не знает. Но высказал свою точку зрения. Человек должен уметь управлять собой. Ну, а если не умеет, то какой же он человек? Женя совсем разволновался и сказал, что однажды слышал откровения старого ээка-философа, который серьёзно утверждал, что убийцы — святые люди, ибо они забирают все самые страшные пороки своих ближних, концентрируют в себе зло, не давая ему распространяться на других людей. Выходит, гибель убийцы — это благо для всех... Да, если его зло умирает вместе с ним. А если нет?

— Так можно заблудиться, Акан. Но мы сделали всё, что могли... И что хотели...

Эпилог

Судебный процесс над Диной и Аканом собрал очень много людей. Подсудимые вызывали смешанные чувства. С одной стороны, они воспользовались награбленным золотом в личных целях лишь для того, чтобы построить себе нормальный дом в деревне Большое Евсейково. Акан, используя золото для своей работы стоматолога-протезиста, реализовывал его без личных корыстных целей. Вся корысть состояла в том, что подсудимые содержали на свои деньги несколько фермерских хозяйств. За обвиняемых громко вступились эти самые фермеры, сильные и энергичные люди, их выступления собрали массу людей, не желающих травить своих детей и себя импортными сельхозпродуктами. На процесс даже прибыл из столицы какой-то депутат, однако особой пользы не принёс — столичному господину трудно было понять такую смешанную с криминалом любовь к земле и к тем, кто может предотвратить её гибель. Да на него никто и не обратил внимания. Провинция сразу понимает, кто есть кто, и делает свои выводы.

С другой стороны, понятно, что избранные подсудимыми методы были жестоки и противозаконны. Между прочим, один из адвокатов подчеркнул, что, если бы общество было другим,

не таким жестоким, и люди терпимее относились друг к другу, то и методы Дины и Акана были бы иными. Даже гневная речь мужа убитой учительницы не затронула присутствующих так глубоко, как надлежало бы. Племянница Манефы вообще не явилась на суд. Интересно получилось с прииском, чьё золото перевозилось в самолётах. Сначала несколько раз сменилось его руководство (по причине собственных злоупотреблений), а потом прииск закрыли вовсе, объявив его нерентабельным. Так что на процессе «приисковая» сторона отсутствовала.

Акан произнёс очень проникновенную речь, убедив всех, что искренне раскаивается в содеянном. Дина же от последнего слова отказалась...

Суд вынес им суровое наказание, многие в зале шумно протестовали. Адвокаты в разговоре с Валентиной пообещали, что добьются пересмотра дела. Кажется, впоследствии им это удалось. Но всё равно эта пара ещё не скоро окажется на воле. Через Валентину, которая постоянно ими интересуется, я знаю, что Дина играет в самодеятельном театре, организованном в тюрьме, а Акан работает в тюремной клинике — помогает стоматологу, и он очень доволен, что ему это разрешили.

На процессе Жанны Петровны (так уж мы её и называем до сих пор) я не была. А вот Рита-Маргарита, оставив на попечение мужа своих детей, туда поехала. Поэтому я знаю обо всём, что там происходило. Мэр сделал всё возможное и невозможное, чтобы «приключения» его супруги закончились благополучно. К тому же суд учёл её искреннее раскаяние и возвращение государству всех похищенных и найденных ценностей, то есть алмазов и золота. Кража алмазов была подана самым непредсказуемым способом — Жанна Петровна якобы хотела спасти эти сокровища, так как ей показалось, что их хотят растащить, а потом просто не знала, кому их можно вернуть, ибо не доверяла ни одному своему начальнику. Вся эта песня подавалась под новый аккомпанемент — оказывается, кое-кто из бывшего начальства Жанны Петровны действительно оказался на скамье подсудимых. Влюблённый по уши муж и дорогие адвокаты сделали своё дело — Жанна Петровна получила столь маленький срок, что её освободили из-под стражи прямо в зале суда. И сейчас эта скромная жена своего мужа делает всё, чтобы укрепить пошатнувшийся из-за неё авторитет мэра — создала благотворительное

общество, помогающее детям-сиротам, организовала для них сбор одежды, книг, игрушек, средств на лечение и срочные сложные операции. Я лично уверена, что она лишилась далеко не всех своих ценностей — не такая у этой женщины натура!

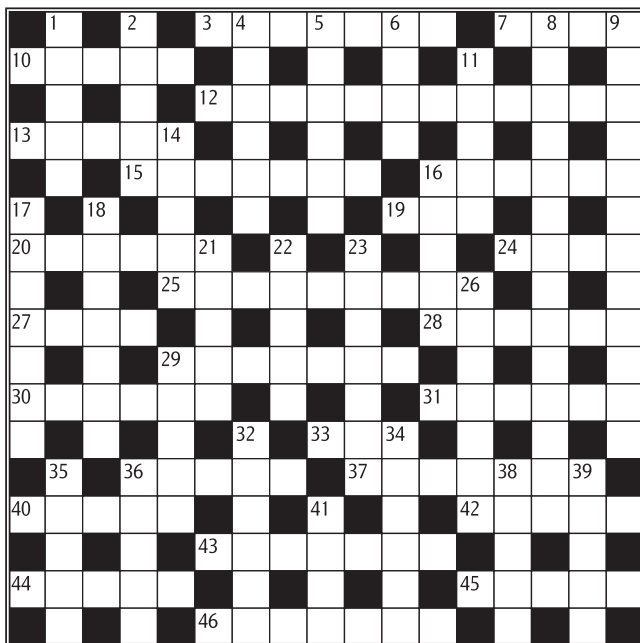
На обойной фабрике открылся музей фотохудожника Алексея Новичкова — под него отдали часть магазина. Руководит музеем его дочь Ольга. Экскурсии там часто проводит Анна Сергеевна Васильева, сохранившая к погибшему самые нежные чувства.

Прокручивая в памяти эту историю, я каждый раз натываюсь на одну загадку: как Дина заставляла лётчиков приземляться? Почему они её слушались? Оказывается, Валентина специально занималась этим вопросом. Дина и Акан заранее, ещё перед вылетом лётчиков на прииск (а один раз и на самом прииске), перед погрузкой договаривались с лётчиком и охранником, сопровождающим груз, где и когда они сядут на землю. При этом лётчику и его напарнику давали понять, что иначе они будут сбиты и расстреляны, а в случае повиновения им гарантировали жизнь, новые документы и деньги, либо то же золото. Всё было рискованно, всё на грани краха, но ведь получалось! Лётчики предпочитали не обращаться в милицию, не имея практически никаких доказательств. А уже во время полёта не могли не приземлиться по условной сигнализации, иначе их ждала смерть.

Когда я написала книгу об этой истории, то дала прочесть рукопись Валентине.

— Всё хорошо, но вот Жанна получилась у тебя чересчур обаятельной. А ведь она, по сути, воровка. Преступница.

Что ж... Может, подруга и права. Но кто сказал, что преступники не могут быть обаятельными? Ещё как могут! ☛

По горизонтали: **3.** День недели, на который всегда приходится старт знаменитой «Тур де Франс». **7.** «Капитанский калибр». **10.** «Роскошь обстановки в офисе обратно пропорциональна прочности, с которой ... стоит на ногах». **12.** Что Фридрих Ницше «слепил» из добродушия и избытка доверия? **13.** Какой забег организовал некий пес Барбос из кинокомедии Леонида Гайдая? **15.** Фиктивная биография разведчика. **16.** Какой жанр «подарил» Николасу Кейджу его звёздное имя? **19.** Шахматная трагикомедия. **20.** Самая большая из канадских провинций. **24.** «Философская новелла». **25.** Душитель прогресса. **27.** «Адрес» черепахи Тортиллы. **28.** Популярная компьютерная игра, придуманная нашими программистами. На Западе её прозвали «секретным оружием русских», поскольку она убила немало рабочих часов американских служащих. **29.** Овощ, блюда из которого особенно полезны тем, кто страдает от сердечно-сосудистых заболеваний, проблем с печенью, почками, желудком и сахарного диабета. **30.** «Король» среди «голубых сыров». **31.** Что готовят героини новеллы «Третий ингредиент» американца О'Генри? **33.** «... специально создал людей такими доверчивыми, чтобы священники могли их обманывать». **36.** Александро-Невская ... в Питере. **37.** Шлажист в корриде. **40.** Древнегреческий бог сна Гипнос носил ..., сплетённый из маков. **42.** Какой приём воздушного боя погубил русского лётчика Петра Нестерова? **43.** «Хорошо, что ...»

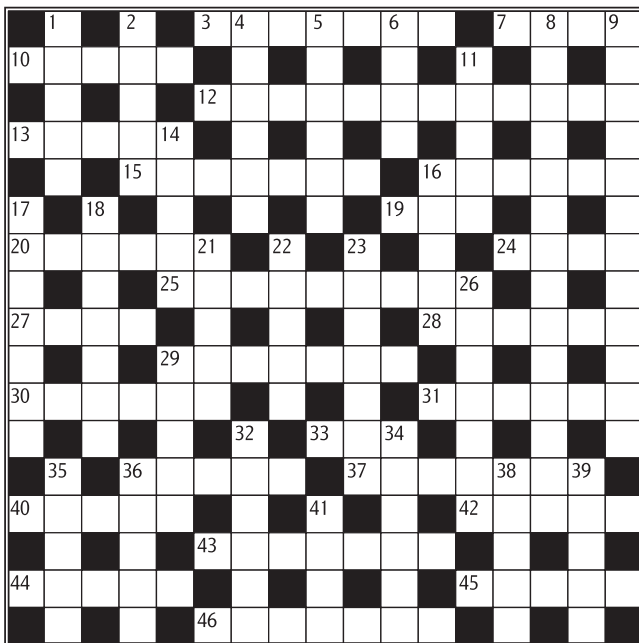
нельзя купить за деньги. Мы бы не вынесли рекламы!» **44.** Какого шампанского вроде как семнадцать бутылок выпил на ярмарке гоголевский Ноздрёв? **45.** Легендарный ансамбль, которому принадлежала студия звукозаписи, чьи пластинки украшало яблоко. **46.** «Многоэтажка» из полок.

По вертикали: **1.** Почти что змей Горыныч из древнегреческих мифов. **2.** Великий Альберт Эйнштейн считал «здоровый ...» набором предрассудков, приобретённых в юности. **4.** Слуга сэра Пиквика. **5.** Резиновые папильотки. **6.** Карты, чтобы заглянуть в грядущее. **8.** Учитель будущего шофёра. **9.** Высшее шахматное звание, присвоенное Остапом Бендером. **11.** «Мне хорошо, я ..., а умным тяжко жить на свете» (из Губермана). **14.** Какая сторона света находится со всеми «в прохладных отношениях»? **16.** Мера драгоценного веса. **17.** Следопыт на месте преступления. **18.** «Если ты можешь это прочитать, значит, моя ... свалилась с мотоцикла» (надпись на спине байкера). **21.** «Чирикающий лимон». **22.** Баран, «смотрящий свысока». **23.** Профессия героини фильма «Дело было в Пенькове». **26.** «Отделение внутренних дел» на факультете. **29.** Какая фирма выпустила первую цветную фотоплёнку? **32.** Первая птица, которую начали охранять на Руси. **34.** «Каменное драже» на пляже. **35.** Покидая суд инквизиции, Галилео Галилей произнёс знаменитое: «А всё-таки она вертится!». Что скрывается за словом «она»? **36.** «Милый друг, наконец-то мы вместе! Ты плыви, наша ..., плыви». **38.** Европейская страна, чьим символом стал белый медведь, сидящий на задних лапах. **39.** Марафон для тех, у кого есть права. **41.** Древние римляне полагали, что «лев узнаётся по когтям». А кто у них узнавался по ушам?

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 5

По горизонтали: **4.** Марпл. **7.** Вкус. **10.** Токарев. **12.** Гимнастика. **13.** Штукарь. **14.** Распродажа. **15.** Восторг. **17.** Ингибитор. **20.** «Рибок». **23.** Катер. **24.** «Орлов». **25.** Кокур. **28.** Разум. **29.** Ведро. **30.** Бензовоз. **32.** Данилов. **35.** «Режанс». **37.** Цеце. **38.** Аристофан. **41.** Игла. **42.** Народная. **43.** Идеал. **44.** Авто. **45.** Исландка.

По вертикали: **1.** Портфолио. **2.** Баскетбол. **3.** «Феррари». **5.** Авитаминоз. **6.** Паноптикум. **8.** Климат. **9.** стакан. **11.** Осколок. **16.** Гну. **18.** Ранец. **19.** Гетры. **21.** Бронезилет. **22.** Колонна. **25.** Казахстан. **26.** Купидон. **27.** Уборщица. **28.** Род. **31.** Товар. **33.** Леонид. **34.** Неряха. **36.** Среда. **39.** Факс. **40.** Нога.

- По горизонтали:** **3.** Решающая улика из повести «Убийство миссис Спенлоу» Агаты Кристи. **7.** Кто из четырёх евангелистов сльвёт покровителем египетских христиан? **10.** Какой танец влюблённый Вертер считал самым интимным? **12.** Защитное средство от ошибок жизни. **13.** Какой ребёнок мог бы родиться у Дездемоны от Отелло? **15.** Какая нимфа Одиссея припрятала? **16.** Красный свет для послушных, жёлтый — для любопытных и возбуждающе зелёный — для преодолевающих. **19.** Самая жаркая пустыня в Индии. **20.** «И даже тоненькую нить не в состоянии разрубить стальной ...» **24.** Какому пророку вороны носили хлеб? **25.** По совету композитора Александра Скрябина он поставил крест на музыкальной карьере, чтобы стать удивительным поэтом. Кто он? **27.** «Тяжёлый труд может принести пользу когда-нибудь потом, а ... приносит пользу прямо сейчас». **28.** Классик мировой живописи, общавшийся с кардиналом Ришелье. **29.** Редактор газеты «Известия», создавший конституцию, получившую имя «сталинской». **30.** Что освещало морду собаки Баскервией? **31.** Долги в бухгалтерском балансе. **33.** Кто вселился в жену дядюшки Ватинеля из «Рождественской сказки» француза Ги де Мопассана? **36.** Какой предмет составлял в начале XX века Премию Рубинштейна? **37.** Пора слепой правды (по Марине Цветаевой). **40.** «Американский Сергей Королёв». **42.** Одна из дюжины лихоманок в славянских мифах. **43.** Тропический плод, чью мякоть нужно сбрызнуть лимонным соком, чтобы она в салатах

не потемнела. **44.** Лучший газ для воздушного шара. **45.** Какая американская корпорация слывёт крупнейшим в мире производителем процессоров? **46.** Первый французский космонавт.

По вертикали: **1.** Присяжными стали Лягушка и Крыса, Хорёк и Ёж, Соня и Ящерица, Петух и Крот, Улитка и Белка, Аистёнок и Мышонок. Кого обвиняли? **2.** Какое авто «пожирает людей» у Стивена Кинга? **4.** Кто из голливудских звёзд был тринадцать лет женат на очаровательной Деми Мур? **5.** Какой из императоров заставил замолчать «голос Сивиллы»? **6.** Американская звезда Мэрайя ... придумала «фиолетовую диету», чтобы избавиться от морщинок вокруг глаз. **8.** Здание в Петербурге, у которого, согласно Александру Пушкину, светла игла. **9.** «Продукт природы» из одноимённого рассказа Николая Лескова. **11.** Любимый бульон у чехов. **14.** Одежда героини чеховского рассказа «Беззащитное существо». **16.** Очаровательная Габриэль Шанель ввела в моду ... и короткие стрижки. **17.** Комнатное растение, выделяющее эфирное масло, которое обеззараживает все вокруг. **18.** Какая пивная компания из Ирландии подарила миру самую рекордную книгу на свете? **21.** Индийский Чарли Чаплин. **22.** Первый ... автомобильных дорог выпустили американцы в 1924 году. **23.** Кто из великих завещал поставить на своей могиле памятник с цилиндром и вписанным в него шаром? **26.** В каком грузинском городе Владимир Маяковский ходил в гимназию? **29.** С какой частицей связано создание большого коллайдера? **32.** Растение, чей трилистник попал на флаг Монреаля. **34.** Что первым удачно пересадил профессор Кристиан Барнард из Кейптауна? **35.** Один из первых коллекционеров марок, придумавший слово «филателия». **36.** Какой венгр возглавил жюри на Первом мировом конкурсе игрушек в Варшаве? **38.** «... прочнее, чем нити, из которых она создана». **39.** Универсальный закон мерфологии гласит: «Работая над решением задачи, всегда полезно знать ...». **41.** Василисков ... из романа «Пелагия и чёрный монах» Бориса Акунина.

Ответы на эрудит, напечатанный в №5

По горизонтали: **4.** «Фауст». **7.** Скат. **10.** Ливорно. **12.** Исполнение. **13.** Абордаж. **14.** Правосудие. **15.** Трактор. **17.** Подфарник. **20.** Живот. **23.** Сатир. **24.** Терон. **25.** Собор. **28.** Белое. **29.** Инжир. **30.** «Рамакиен». **32.** Гобелен. **35.** Сикири. **37.** Веер. **38.** Ионифорез. **41.** Июль. **42.** Нотариус. **43.** Ангел. **44.** Нота. **45.** Царицыно.

По вертикали: **1.** Кимберлит. **2.** Корректор. **3.** Анталоп. **5.** Аксерофтол. **6.** Снотворное. **8.** Канада. **9.** Тренер. **11.** Онассис. **16.** Рой. **18.** Казнь. **19.** Лилит. **21.** Вермикулит. **22.** Токкури. **25.** Сенокосец. **26.** Бодегон. **27.** Христиан. **28.** Бег. **31.** Берет. **33.** «Менины». **34.** Кресло. **36.** Иоанн. **39.** Роса. **40.** Зауи.

СМЕНА

Главный редактор

Михаил Григорьевич Кизилев

Заместитель главного редактора

Тамара Васильевна Чичина

Выпускающий редактор

Светлана Викторовна Гуркина

Арт-директор

Валерий Иванович Харламов

Корректор

Юлия Борисовна Воронова

Обложка и иллюстрации

Лев Рябинин

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Генеральный директор

Дмитрий Юрьевич Мережко

Главный бухгалтер

Любовь Александровна Бижко

Директор по распространению

Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru

Менеджер по партнерским программам

Кристина Александровна Бурякова, e-mail: k.buryakova@smena-online.ru

Офис-менеджер

Людмила Николаевна Калинина

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом журнала
«Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Макет:

Екатерина Балеевская

Отпечатано ОАО ордена Трудового
Красного Знамени

«Чеховский полиграфический
комбинат»:

142300 МО г. Чехов,
ул. Полиграфистов д.1
Тираж – 14 000 экз.
Зак. №1624

Цена свободная
Номер подписан в печать:
16.05.2011

Алонсо Кано.

«Видение Иерусалима св. Иоанну Евангелисту», 1636-1637 гг.

О жизни и творчестве Алонсо Кано читайте на стр. 38

« То, что убийства совершались с одинаковым промежутком времени и именно по выходным, могло означать, что маньяк по каким-то причинам не имел возможности выходить на свою охоту в другие дни. Уже были разосланы запросы во все необходимые инстанции, и вдруг на тебе — двойное убийство девиц лёгкого поведения в Подмоскovie. Экспертиза установила: на этот раз они были застрелены не в воскресенье, а в субботу. Убийца изменил «расписание» и географию? Или что-то резко поменялось в его жизненных обстоятельствах?..

Александр **Аннин** «Коттедж с видом на убийство»

« В чёрной морской шинели, элегантная и красивая, она отдавала приказы революционным матросам, как королева — пажам. Соратники называли её Валькирией, что в дословном переводе означает «выбирающая убитых». После назначения Ларисы комиссаром Балтийского флота мир ахнул и затаился в ужасе — она своим личным повелением решала, жить человеку или умереть. И не одному человеку — сотням...

Светлана **Бестужева-Лада** «Женщина с мёртвым сердцем»

« На рождественской вечеринке Тихо Браге поссорился с неким Парсбьергом. Свои отношения два молодых человека решили выяснить при помощи рапиры, и на дуэли Парсбьерг в темноте отсёк у Тихо кончик носа. Чтобы скрыть увечье, Браге сделал себе из сплава золота и серебра нос, такой естественный, что его нельзя было отличить от настоящего. Когда через 300 лет тело Браге эксгумировали, протеза из драгоценных металлов в гробу не нашли, зато в том месте, где должен находиться нос, отчётливо проступили зелёные пятна...

Денис **Логинов** «Кто убил человека с золотым носом?»